

М. Быстряков,
Л. Хорошайлова

Баянист
**ИВАН
ПАНИЦКИЙ**

М. БЫСТРЯКОВ,
Л. ХОРОШАЙЛОВА

Баянист
**ИВАН
ПАНИЦКИЙ**

○○○○

Приволжское книжное издательство
Саратов 1976

782(092)
Б95

Быстряков М., Хорошайлова Л.
Б95 Баянист Иван Паницкий. Саратов,
Приволж. кн. изд-во, 1976,
104 с. с нот.

Немного найдется имен, более известных любителям народной инструментальной музыки, чем имя И. Я. Паницкого. Его знают и любят не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами.

В книге «Баянист Иван Паницкий» музыковед М. Быстряков и журналист Л. Хорошайлова не ставят себе цель дать исчерпывающий анализ творчества прославленного музыканта. Это предмет специальных исследований. Однако авторам удалось познакомить читателей с замечательным человеком: ярким и самобытным художником.

782(092)

60802

59-76

© Приволжское книжное издательство, 1976.

ВЕСЬ МИР СОСТОИТ ИЗ ОДНИХ ЗВУКОВ

Городок Балаково расположился, как и многие волжские города, на возвышенном месте левобережья, почти в центре огромного, богатого своей знаменитой золотой пшеницей Заволжья. Когда-то был здесь своеобразный «перевалочный» пункт: съезжались купцы разных гильдий и крупные торговцы, скупали у крестьян пшеницу, и текла она в разные города России и за границу. Так и стал городок купеческим, бойким, расторопным торговым местом.

Стекались сюда на заработки и крестьяне. Все круче становились налоги. Все увеличивались недоимки. Разорялись их нехитрые хозяйства. Вот и тянулись они от земли в город. Счастья попытать, а то и просто с сумой по миру.

Пришел из села Студенцы и пятнадцатилетний пастух Яков Паницкий, нанялся грузчиком к мукомолу.

Караваны барж с зерном отправлялись вверх и вниз по реке. С наступлением зимы жизнь вокруг словно замирала до следующей навигации, до нового урожая. Но был этот городок известен еще и знаменитыми артелями волгарей-грузчиков. На волжской пристани текла своя особая, напряженная жизнь. Между длинными дощатыми бараками с зерном, различными тюками и бунтами леса ходили грузчики. Широкоплечие, мощногрудые мужики. Босые, в рваных рубахах, с голыми сильными

шеями. Одни сбегали по зыбким сходням на пароходы и баржи с мешками и ящиками на плечах, другие спали прямо на земле или на досках. Кто играл в «орлянку», кто переругивался, кто-то затягивал песню... Так начал новую жизнь и Яков Паницкий, женившийся через несколько лет на очень милой крестьянской девушке Кате. Но был он человеком предприимчивым и энергичным: вскоре стал представителем по закупке зерна у крестьян в окрестных районах. Разъезжая по заволжским селам и деревням, имел он не только деловые отношения с крестьянами — многие стали его друзьями и, приезжая в Балаково, всегда останавливались в гостеприимном доме Паницких.

Дом этот был не только гостеприимным, но еще веселым и интересным. Якову Ивановичу не довелось учиться, окончил он всего лишь три класса церковноприходской школы, но к знаниям тянулся, книги очень любил и был даровит. Больше всего на свете любил он музыку, унаследовав, вероятно, эту любовь от своего отца, скрипача в оркестре одного крупного помещика. И сам Яков неплохо играл на саратовской гармонике и гитаре, имел приятный голос.

Учительствовала в Балакове в те годы Анна Ивановна Чеснокова. С нею и ее мужем очень подружился Яков Иванович Паницкий. Вместе со своей женой, Екатериной Фроловной, он был частым гостем у Чесноковых. Анна Ивановна и книги им давала, и сама вслух читала. Нередко заканчивались такие вечера музыкой. Паницкие вместе с учительницей пели под аккомпанемент гитары. Они знали множество популярных городских романсов, но больше всего любили русские народные песни. Тут выделялась Катя, Екатерина Фроловна...

Немного знала она в своей жизни свободных минут. Сколько себя помнила, все была в заботах; младших

сестренка и братишек (семья, как и многие крестьянские семьи, была многодетной) нянчить, за скотиной ходить, в поле работать... Да всего и не перечислишь! Сложно сидеть ни денечка не приходилось. Зато, уж если выдавалась свободная минутка, это была радость. Екатерина была певуньей — заслушаешься. А песен знала! Еще от своей бабушки слышанных...

Дружной была у Паницких семья, хоть и нелегко складывалась жизнь: четверо детей все-таки.

День 14 января 1906 года принес новую радость: родился еще один сын. И дали ему имя по деду — Иван.

Стояли жгучие январские морозы. Ребенка крестили в холодной нетопленной церкви, простудили, и вскоре заболели у него глаза. В земской больнице мальчику закапали сильный раствор ляписа — и никогда не видел он деревьев, неба, солнца...

Больше всего Ваня любил играть со своим старшим братом Димой и сестренкой Анфисой. Эта троица всегда была неразлучна: дома, на улице. Наблюдая за Ваней, трудно было поверить, что этот ловкий, подвижный и смелый мальчишка совсем не видит.

По голосам он прекрасно различал всех своих соседей, друзей-ребят, знакомых и родных. Уверенно ориентировался дома, во дворе. Если же встречал что-то незнакомое — осторожно, чуть касаясь, притрагивался кончиками пальцев, знакомился... Так он познавал мир.

И мир открывался ему.

Иногда он чутко прислушивался к легкому, неслышному для нас порханию бабочки, подняв руку, тянулся за ней. Изошренный слух улавливал в воздухе тонкий шелест ее крыльев. Все окружающее проникало в сознание мальчика главным образом в форме звуков. И он чутко прислушивался ко всему, что было вокруг него. Это был целый океан звуков... Часто непонятных,

незнакомых, и тогда он расспрашивал обо всем отца или мать, сестру, брата.

В летние вечера Ваня любил слушать соловья. И всякий раз сердце его наполнялось особой радостью. Или вот веселое пение маленького жаворонка... Стоило только выйти из дома, как вдруг начиналась музыка, он угадывал ее в щебетании птиц, в порхании бабочек, в жужжании пчел, поющих свою трудовую песню. Казалось, всюду была музыка, умеи только ее слушать... Звуков — великое множество, и ни один из них не похож на другой. Зимними вечерами, сидя дома, прислушивался он к завыванию ветра в трубе. С нескрываемым восторгом слушал задушевные русские песни, то тягучие, то звонкие, но всегда ласкающие сердце. Про Волгу-матушку, про горе и радость...

Сказки матери и бабушки да русские песни были единственным развлечением Вани в длинные зимние вечера и, пожалуй, в какой-то мере заменили ему школу. А родители, все еще надеясь на чудо, возили мальчика к докторам. Кому только его не показывали! Однажды Яков Иванович услышал, что в соседний городок Хвалы́нск приехал из Петербурга известный окулист. Рассказывали про него много хорошего: человек это был добрый, веселый, нисколько не заносчивый и никогда не отказывающий в помощи. Говорили, что приехал он в Хвалы́нск не по своей воле, а был выслан за революционные взгляды.

С надеждой на исцеление повез к нему Яков Иванович сына. Профессор долго и внимательно осматривал Ваню, расспрашивал и, к великому огорчению Якова Ивановича, грустно сказал, что зрение утрачено навсегда. Но профессор счастливо заметил одну особенность мальчика — исключительный музыкальный слух.

— Купите-ка ему гармошку, Яков Иванович, и пусть

Ванюша, что услышит, то сам и подберет. Из вашего сына может выйти недюжинный музыкант,—пошутил он,—вон у него уши какие, как у Моцарта.

Кто такой Моцарт, Яков Иванович не знал, но отнесся к этому имени с большим уважением и при случае говорил:

— А у нашего Вани уши как у Моцарта.

И гармонику ему вскоре купил, маленькую, семиклавишную. У четырехлетнего Вани появилась необычная игрушка, и с этого момента началась для него новая жизнь. Жизнь в музыке.

Но тогда об этом никто не думал, и уж меньше всего сам Ваня. Просто он был бесконечно счастлив. Он так полюбил свою гармонику, что, едва утром просыпался, первым делом брался за нее. Забыты были даже самые любимые игрушки... Но каково же было удивление всей семьи, когда вскоре, нажимая на кнопки и растягивая мехи, он вдруг извлек мелодию песни «Бывали дни веселые», которую очень часто слышал дома. Все были так поражены, что даже не сразу сообразили: а ведь наигрывает мелодию вот этот карапуз, их Ваня! Лежавшая на печи бабушка даже перекрестилась...

Самое же поразительное было в том, что никто никому Ваню не учил. Он сам во всем разобрался. Он сам понял, на какую клавишу надо нажать и когда сменить мехи, чтобы извлечь нужный звук.

Тонкие пальчики все увереннее перебирали клавиши гармоники, когда был выучен какой-нибудь несложный мотив. Вскоре Ваня совсем освоился с игрой. Он уже разучил мелодии песен «Во саду ли, в огороде», «Коробейники», «Шумел, горел пожар московский», «Ах вы, сени, мои сени», «Златые горы». Разучивал он их с напева матери, старшей сестры, с наигрыша своего отца или брата.

Правда, музыка еще раньше вошла в жизнь мальчика. И постепенно подчиняла себе все его существо.

Когда ему было еще три года, отец стал учить его играть на пастушьей дудке. Ваня никогда не прерывал отца, и только когда тот сам останавливался, он тянулся к дудке, прикладывая ее к губам, изо всех сил дул в нее, но звуки получались какие-то дрожащие, слабые, совсем не такие, как у отца.

Понемногу Ваня овладевал этим немудреным инструментом, и, хотя маленькие пальчики едва охватывали отверстия в дудке, он хорошо запомнил, в каком отверстии «находится» тот или иной звук. До появления гармоники он почти не расставался с дудкой. Слушал игру сына Яков Иванович, и радости его не было конца.

Конечно, как и все дети, Ваня и озорник был большой, любил шумные, веселые развлечения. Но была в его душе такая страна, куда он не брал своих сверстников. Эта страна называлась музыкой. Всюду, везде присутствовала она. В каждом его шаге, в каждой затее. А фантазером он был великим! Как и все маленькие, очень любил ходить в гости. И больше всего — к своему крестному. Был крестный портным и в Ваниных глазах обладал серьезным преимуществом перед остальными взрослыми: у него Ваня всегда находил целое богатство — множество шариков с нитками, и все они были разными. А из них человек с воображением может сделать массу интереснейших вещей! Например, натянуть по комнате, и тогда получатся струны. Можно перебирать их, воображая, что играешь на большом музыкальном инструменте. Можно сочинить песни про замечательных героев, о которых недавно рассказывала бабушка. Можно... Маленький Ваня мог часами возиться с нитками-струнами.

А еще интереснее — поздним вечером, когда все заснут и в доме наступит тишина. Тогда можно вытащить нитки из своего стеганого одеяльца, завязать их на пальцах ноги, натянув, перебирать их и прислушиваться к тоненьким, едва различимым звукам. Свои маленькие тайны Ваня никому не доверял...

Было у него и свое любимое место, где никто ему не мешал, где он мог часами что-нибудь мастерить, — чуланчик, маленький, темный, с массой волшебных вещей — медным подносом, например, рубанками, стамесками... Чуланчик был обитаем: под полом жили мыши, но Ваня их не боялся, привык к их писку, возне, иногда приносил им кусочек хлеба. И вот чудеса: когда Ваня играл, мышата прекращали возню, словно прислушивались.

Однажды Ваня пригласил в чуланчик соседских девчонок. Он решил поиграть для них. Но, к неописуемому ужасу девчушек, лишь только раздались первые звуки, из-под пола вылезли мышата. Гости выскочили из чуланчика и умчались домой. Ванины «друзья» тоже перепугались и долго не показывались из своих норок. Ваня огорчился и, чтобы их задобрить, сочинил для них «мышиную польку».

Таким уж добрым и впечатлительным ребенком он был. Он жил в таком особенном мире, где главной силой была музыка. Буквально все вызывало у него звуковые образы. Некоторые мелодии просто потрясали душу мальчугана. Много лет спустя Екатерина Фроловна, мать Вани, вспоминала, что ее маленький сын совершенно не мог равнодушно слушать песню «Вы не вейтесь, русы кудри, над моею головой». Он закрывал руками уши, убежал и горько плакал.

Зато и радоваться Ваня умел так полно, так счастливо: теплому ветру, шелесту листьев в саду, запаху цветов, шуму речушки Балаковки, плеску рыбы на зорь-

ке... Вспоминая свои детские годы, Иван Яковлевич говорит, что любил он в летние дни греться на камнях у берега Волги, куда старшие братья брали его с собой.

— Накупаешься до синевы, аж мурашки по телу пойдут, ляжешь на теплый камень и с наслаждением греешься. Так становится приятно на душе. А по Волге снуют пароходы... Прекрасное и радостное это было время!

* * *

По соседству с Паницкими жили Боковы, музыкальное семейство: оба сына были музыкантами-профессионалами. Старший играл в местном духовом оркестре на баритоне, а младший был студентом Саратовской консерватории по классу скрипки. Не дом у них был — музыкальная шкатулка: из окон постоянно доносились отрывки разучиваемых мелодий, словно выплывали музыкальные пьесы. Дом Боковых, как магнит, притягивал к себе Ваню. Что бы он ни делал, в какой бы шумной ребячьей игре ни участвовал, но раздавались звуки музыки, и он замирал, весь обратившись в слух.

Много лет спустя, став уже знаменитым музыкантом, Иван Яковлевич признался, что буквально до сих пор «слышит» так полюбившийся ему в те времена марш «Кисанька», который часто играл на баритоне Федор Боков.

Между прочим, братья Боковы оказались хорошими людьми: от них не ускользнуло совсем особенное (не просто детское) любопытство мальчика. Они подружались с ним, и Ваня стал частым гостем в их доме. Братья многое ему объясняли, учили его и сам он учился, слушая их игру, их разговоры о музыке. Так что дом Боковых был его первым «музыкальным университетом».

А родители... Родители были очень довольны: ведь если повезет, рассуждали они, то их сын, подучившись, сможет устроиться играть в ресторан, и тогда заработок ему будет обеспечен.

С годами Ваня все больше любил музыку. И маленькая гармоника перестала его удовлетворять. Он запомнил аккордовые созвучия, которые слышал от своего отца и от старшего брата Дмитрия, игравших на саратовской гармонике. Такие аккорды не получались на его семиклавишной: не хватало отдельных тонов.

Однажды отец поехал в Саратов, пошел в цирк и увидел выступавшего там музыкального эксцентрика с множеством различных гармоник, звуки которых были приятны и сильны. Он познакомился с артистом, рассказал ему о своем маленьком сыне и начал упрашивать продать одну из гармоник. Долго не соглашался артист, потом не устоял перед настойчивостью Якова Ивановича. А скорее всего — пожалел незнакомого мальчика и уступил восьмиклавишную с четырьмя полутонами так называемую «Невскую» гармонику (от имени первого русского виртуоза-гармониста Петра Невского).

Вначале Ваня не мог понять, что делать с новыми для его слуха полутонами, которых раньше никогда не слышал. И вот беда: всем хорош новый инструмент, а вот толком научить играть на нем, используя полный диапазон, никто не мог. Хотя сам мальчуган был на удивление музыкально восприимчив. Например, с голоса отца он подобрал на своей гармонике вальс «Качели» из оперетты Легара «Веселая вдова». Но отцу этого казалось мало, и, желая, чтобы Ваня сам услышал игру гармонистов-профессионалов, Яков Иванович приводил своего четырехлетнего сына в ресторан — единственное место в городе, где звучала музыка. Там и состоялось знакомство маленького музыканта с гармонистом Федором Его-

ровичем Хаяровым, игравшим на полухроматической и трехрядной венской гармонике.

Федор Хаяров стал первым серьезным Ваниным учителем. Пьеса, которую Ваня исполнил для своего учителя, называлась «Тоска по родине». Играя марш, Ваня не применял необходимых полутонов в базах гармонике, потому что не был знаком с ними, да и выучил-то он его с чьего-то голоса. Потом, занимаясь с Ваней, Федор Хаяров помог ему правильно использовать все клавиши его полухроматической гармонике. Новые пьесы, которые они разучивали, зазвучали уже по-другому.

Репертуар маленького гармониста все время усложнялся: вскоре он исполнял такие непростые пьесы, как вальсы «Осенние мечты», «На сопках Маньчжурии», «Дунайские волны», марши «Победоносец» и «Дни нашей жизни», польку «Пчелку»... В общем, это был репертуар его учителя, который проигрывал несколько раз на своей гармонике отдельные музыкальные фразы, а Ваня их повторял и заучивал. Конечно, никаким педагогом Федор Хаяров не был, но музыкантом он был талантливым. И человеком был мягким, добрым, отзывчивым.

Надо сказать, по-настоящему учиться игре на гармонике в те годы было не у кого. Все гармонисты были самоучками, играли только по слуху, нот не знали. И Ваня по-прежнему внимательно вслушивался в окружающую его тишину, настоящую на звуках, чтобы потом на своей гармонике воспроизвести то, что слышал: крик петуха и трель соловья, песню жаворонка... Однако и эта гармоника вскоре перестала удовлетворять маленького, но очень требовательного музыканта: ведь в ней не хватало необходимых хроматических полутонов, без которых еще более сложные произведения исполнить невозможно.

Разумеется, Ваня, не знавший нотной грамоты, не понимал, отчего его новая гармоника иногда просто «связывает» ему руки. Какое множество замечательных мелодий! Но — не звучат они на этой гармонике так, как их Ваня слышит. Не звучат!

Вскоре у Вани появился новый инструмент: Яков Иванович купил двухрядную гармонику с хроматическими полутонами в правой клавиатуре. Эта гармоника имела диапазон в 2,5 октавы. Сработал ее местный мастер Протас Иванович Сопляков. А изобрел такие гармоники балаковский гармонных дел мастер Иван Михайлович Рыжаков. На них уже можно было исполнять сложные произведения, такие как «Мазурка» Венявского, «Полонез» Огинского, различные вальсы и романсы. Словом, типичный для ресторанных музыкантов репертуар.

Теперь, пожалуй, Ваня играл немногим хуже своего учителя, да и других балаковских гармонистов, так как обладал хорошей техникой и отличным слухом. Но (вероятно, это черта каждого настоящего таланта — неуспокоенность, может быть, и не всегда осознанная) Ване ужасно хотелось послушать других гармонистов. Он без конца приставал и к Федору Хаярову, и к отцу: «А что другие играют? А как они играют?»

Успокаивая сына, Яков Иванович отвечал: «Подожди немного, скоро услышишь». И сдержал слово. Однажды ночью Ваня проснулся от шума и радостного голоса отца, возвратившегося из Саратова. Около себя Ваня обнаружил какую-то тумбочку, на которой стоял незнакомый металлический предмет с большой трубой. Он начал ощупывать его пальцами. Не похоже ни на что знакомое.

— Что это такое? — взволнованно спросил он.

— А это, Ванечка, граммофон, который будет играть, а ты будешь его слушать.

Первой пластинкой, которую отец проиграл, была запись популярной в то время певицы — Вяльцевой, исполнившей «Гайда, тройка, снег пушистый», а на обороте — «Чайки» Верстовского. На второй пластинке была полька «Стрекоза» и полька «Пчелка» в исполнении петербургского гармониста Варшавского, а также дуэт московских гармонистов Бруева и Соловьева, исполнивших «Саратовские переборы», марш «Мотор любви» и несколько вальсов.

Грамофон околдовал Ваню. Он не отходил от него ни на шаг и за одно утро выучил с пластинок сразу четыре пьесы. Теперь у него появился новый «учитель». Каждый день Ваня разучивал все новые и новые для него произведения. Но опять беда: некоторые выученные им пьесы скоро забывались, если он их долго не повторял. Все, что разучивал с пластинок, было трудно запомнить. Он сердился на самого себя, называл свою голову «дырjавым лукошком».

С появлением грамофона в доме Паницких появилось много любителей послушать музыку. Особенно в праздничные дни, когда около дома собиралась молодежь, потом приходили и пожилые. Пели песни и танцевали под грамофон и Ванину гармонику. Одним словом, дом Паницких превратился в своеобразный клуб. Друзья и соседи Чесноковы много лет спустя вспоминали: около небольшого дома Паницких всегда былолюдно и весело, вечерами пели русские песни. А как пели — заслушаешься! Про Степана Разина, про Волгуматушку раздольную, про степь вольную и широкую, про тройку удалую, про долю народную... Под аккомпанемент маленького Вани Паницкого пели народные частушки. Многие приходили специально послушать Ваню.

В Балакове был небольшой магазин, в котором продавались музыкальные инструменты, ноты и грампластинки. Сюда и зачастил Ваня. Вскоре он подружился с хозяином магазина, господином Шмидтом. Шмидт и сам оказался человеком не без музыкальных способностей, очень уважал своего маленького клиента и в знак своего особого расположения разрешал Ване брать домой некоторые, особенно понравившиеся пластинки. Ваня разучивал с них музыкальные пьесы, а потом возвращал пластинки в магазин. Господин Шмидт говорил, что он большой поклонник таланта маленького музыканта — Вани Паницкого.

История русской культуры знает немало имен художников-самородков, нашедших ценой огромных трудов, нередко путем многочисленных лишений свое место в искусстве. Это тернистый путь, не всякий может его пройти. Только талант, помноженный на трудолюбие (пусть не покажется тривиальной эта тысячу раз повторенная истина), выковывает настоящего художника.

Ване Паницкому во многом повезло. Очень рано определился его жизненный путь, главное дело всей его жизни — музыка, творчество. Большая заслуга в этом его семьи. Трудно предположить, как бы сложилась творческая судьба Ивана Паницкого, не расти он среди людей, так преданно любящих музыку, которая занимала очень большое место в их жизни.

Впоследствии, став взрослым человеком, зрелым и известным музыкантом, Иван Яковлевич всегда с благодарностью вспоминал своего отца, который хоть и был человеком торговым и музыкой занимался только «для души», но детям своим всячески помогал найти путь в музыку, в искусство, очень хотел, чтобы они стали про-

фессиональными музыкантами. Плохо только, что настоящих учителей для начинающих музыкантов в Балакове не было. Тут уже приходилось идти «на ощупь». Одного из своих сыновей, Дмитрия, Яков Иванович определил к скрипачу Феллеру, у которого был в те годы салонный симфонический оркестр. Феллер, быть может, был и неплохим скрипачом, но гармонике не знал вовсе, и единственное, чему он смог научить Дмитрия, — это нотная грамота. Но и это было значительным шагом вперед в освоении игры на гармонике: ведь в те времена гармоника не считалась серьезным инструментом. Скрипка, фортепиано — это да. А гармоника — так, несерьезно... Потому-то многие гармонисты совсем не знали нот.

Вскоре Яков Иванович отдал Дмитрия на обучение к гармонисту-профессионалу Никифору Миронову. Тот научил его брать не двух, а трехзвучные аккорды на правой клавиатуре. Но потом Дмитрий перешел к уже упоминавшемуся Федору Хаярову, учителю Вани, и тот помог ему стать квалифицированным аккомпаниатором. Братья стали выступать вместе.

Все-таки удивительно, сколько если не говорить счастливых, то уже несомненно полезных встреч судьба уготовила маленькому Ване.

Сейчас, оглядываясь назад, Иван Яковлевич иногда говорит, что даже если бы он и не хотел стать музыкантом, он не смог бы не стать им, потому что всегда находились люди, принимавшие самое деятельное участие в его судьбе.

Судите сами. Старший брат Вани — Василий по праздникам пел в церковном хоре, где регентом был школьный преподаватель пения Николай Алексеевич Жимский, человек образованный и очень преданный музыкальному искусству. Как-то Василий рассказал ему

о своем маленьком брате и похвалился его способностями. Н. А. Жимский попросил привести брата.

Ваня сыграл ему самые значительные вещи из своего репертуара: «Полонез» Огинского, «Мазурку» Венявского и несколько вальсов. Жимскому очень понравилось исполнение, он почувствовал, что перед ним несомненно одаренный ребенок. Он проиграл Ване на пианино гаммы, арпеджио в различных тональностях, а Ваня, не сфальшивив ни единой ноты, очень чисто все повторил голосом. Ни разу не ошибся, называя количество одновременно взятых нот в аккорде, точно узнавал отстукиваемые карандашом мелодии.

Николай Алексеевич Жимский сыграл на пианино специально для мальчика несколько неизвестных ему пьес. «Тебе нравится то, что я сейчас сыграл?» — спросил он Ваню. А того так захватили новые ощущения, что он лишь кивнул в ответ. «Ты, Ваня, очень талантливый мальчик, — сказал Николай Алексеевич и, обращаясь к Василию, добавил: — Ему надо очень серьезно учиться музыке. Передай отцу, надо бы его отвезти в Саратов».

А Ваня, придя домой, долго, до глубокой ночи, был притихшим, ему все чудились, все помнились, все слышались звуки волшебного, как ему казалось, инструмента — пианино. И проигранные мелодии теснились в памяти... Это был мир совсем других звуков, совсем других образов, это было много прекраснее всего, что ему доводилось слышать до сих пор или играть самому.

Николай Алексеевич Жимский рассказал об одаренном мальчугане заведующему учебной частью балаковской школы, в которой он работал. И Аркадий Иванович Майоров пригласил Ваню к себе. В тот вечер Ваня много играл у Майоровых. Аркадий Иванович принял близкое участие в его судьбе: стал часто навещать семью Паницких, подолгу беседовал с маленьким Ваней,

рассказывал ему о музыке и музыкантах, советовал в выборе репертуара. Словом, помогал, как мог, воспитывая вкус маленького музыканта. К этому времени дуэт братьев (мы уже упоминали, что Ваня играл под аккомпанемент своего брата Дмитрия) вполне окреп.

* * *

В жизни каждого человека есть события и даты особо памятные, дорогие сердцу. В них как бы соединяется все самое светлое и счастливое, что довелось пережить.

На долю Ивана Яковлевича Паницкого выпал долгий и трудный путь. И слава, и то горькое, что за нею всегда следует,—сомнения. От них не свободен ни один истинный художник. Знал он и много по-настоящему счастливых минут. Но почему сейчас, спустя столько лет, вспоминается тот вечер, вечер первого выступления перед публикой? Может быть, потому, что публика была особенная?

Аркадий Иванович Майоров организовал братьям Паницким встречу с учителями и воспитанниками двухгодичной женской школы. Здесь готовили будущих учителей русской словесности.

Ваня вначале растерялся: это был совсем другой, непривычный, незнакомый и пленительный мир — нежные девичьи голоса, ласковые, легкие прикосновения, тонкий, едва ощутимый аромат духов. Он застеснялся, куда только подевалась его обычная смелость. Но вот объявили их выступление, и Ваня заиграл. Робость мало-помалу прошла. Тихо вздрогнули пальцы. Еще раз... Еще. Последняя, улетающая нота была пропастью между только что стоявшей тишиной, которая всегда — признание, и радостным шумом вокруг маленького ис-

полнителя. Девушки его поздравляли, каждой хотелось что-то ему подарить.

Аркадий Иванович не принимал участия в этой веселой суете. Он был удивлен. Ведь не первый раз он слышал Ванину игру, но вот что его сегодня поразило: игра этого мальчишки была выразительной, в ней чувствовалось что-то свое, не заученное ученическое, а совершенно самостоятельное.

Праздник тем временем продолжался. После перерыва Ваня услышал в исполнении хора несколько арий из оперы Глинки «Иван Сусанин», музыку Верстовского к «Аскольдовой могиле», романсы Рубинштейна. Было столько впечатлений, столько прекрасной музыки, что Ваня даже устал. Но с этого вечера он частый гость в школе. Постоянно присутствует на каждой репетиции и спевке хора, он — само внимание, когда идут репетиции пьесы, читаются стихи. Ваня сидит, затаив дыхание, не пропуская ни звука! Зато, придя домой, он тоже разыгрывал роли, сочинял целые пьесы и, конечно, музыку к ним. Он был самым главным в этих воображаемых спектаклях — герой, музыкант, драматург... Но это была тайна, о ней он не рассказывал никому. Так же, как и о другой своей большой тайне: Ваня был влюблен по-рыцарски преданно, но не в какую-нибудь одну ученицу, а решительно во всех девушек и в их честь сочинял маленькие музыкальные пьески. Это были, конечно, еще очень наивные сочинения...

И воспитанницы, и учителя очень любили маленького музыканта, занимались с ним. Однажды Александра Дмитриевна, одна из педагогов этой школы, привела Ваню в пустой класс. Ей очень понравился этот смысленный и одаренный мальчуган. Она спросила его, умеет ли Ваня играть на скрипке. Нет, на скрипке он не умеет, но очень хотел бы научиться. Александра Дмитриев-

на вынула из футляра скрипку и сыграла для него несколько пьес.

— Нравится?

— Очень!

— Я дам тебе попробовать. Но сначала послушай внимательно.

Александра Дмитриевна чем-то ударила о стол, и Ваня услышал высокий и чистый звук. Она повторила этот звук на скрипке. Потом дала Ване в руки любопытный предмет, который издает такой чистый музыкальный звук. Ощупав пальцами две стальные палочки, он тоже ударил по столу, и снова возник этот звук.

Александра Дмитриевна рассказала Ване о том, что такое камертон, сказала, что услышанный им звук — нота «ля». И много, очень много интересного узнал Ваня. Напоследок Александра Дмитриевна подарила камертон Ване. Как ему нравился этот подарок! Камертоном можно было слегка ударить или громче — и всегда возникал этот звук — нота «ля». Очень интересно! Но чем больше Ваня вслушивался в него, тем все чаще и явственнее он различал другие, очень высокие звуки, так называемые обертоны. «Уж не сломал ли я его?» — испугался мальчик и побежал к Александре Дмитриевне.

— Какие же ты еще звуки слышишь? — спросила она.

Ваня повторил голосом. Это были ми, соль, си...

— Ванечка! — обрадовалась Александра Дмитриевна. — Да у тебя же абсолютный слух! Понимаешь? Абсолютный! Ты прирожденный музыкант!

Что такое абсолютный слух, Ваня, конечно, не понимал, но камертон с тех пор стал для него чем-то вроде талисмана.

Аркадий Иванович Майоров тоже не выпускал из поля зрения Ваню и много помогал ему. Вместе они

подбирали репертуар, вместе прослушивали граммофонные пластинки. Аркадию Ивановичу — и только ему — играл Ваня новые, только что разученные произведения. Он уже свободно владел пятиклавишной, восьмиклавишной, двухрядной венской и двухрядной хроматической гармониками. Вскоре Аркадий Иванович познакомил своего маленького друга с местным гармонистом Никифором Ивановичем Мироновым. Это был неплохой музыкант, немного знавший ноты. Он считался хорошим аккомпаниатором, разучил весь Ванин репертуар, сыгрался с ним, во многом помог разобраться талантливому, но, конечно же, еще очень неопытному юному гармонисту.

И вот в один прекрасный день у входа в кинотеатр «Прогресс» и на улицах Балакова появились афиши. Настоящие, большие афиши, которые извещали любителей музыки, что такого-то числа состоится сольный концерт юного гармониста-виртуоза Вани Паницкого. Настал день концерта. Вместительный зал кинотеатра был полон. Билеты все распроданы. Это был день больших волнений. Волновался Ваня, волновались его родители. За своего маленького друга переживали учителя и ученицы женской школы, волновался и Аркадий Иванович Майоров.

Объявлено начало. На сцене, к полнейшему удивлению большей части публики, появился маленький мальчуган, пятилетний Ваня с гармоникой и со своим аккомпаниатором Николаем Ивановичем Мироновым. Репертуар состоял из русских народных песен, старинных маршей, вальсов, мазурок. Исполнил Ваня и «Полонез» Огинского.

В зале стояла тишина, изредка слышались реплики: такой малыш и так замечательно, действительно виртуозно играет! Но очень скоро все позабыли, вернее, про-

ето уже не думали о возрасте музыканта: все слушали его игру. После каждого исполнения слушатели награждали Ваню громкими аплодисментами.

Во втором отделении Ваня играл на четырех гармониках. Зрители были в восторге. «Вот это играет!» — раздавались восхищенные возгласы. И это восхищение слушателей передавалось Ване. Надо было слышать, как озорно, с лихими переборами и переливами исполнил он «Волжские страдания». Надо было видеть, как многие просто не могли усидеть на месте: ведь они были волжане и незаметно для себя начинали отплясывать при первых же звуках с детства знакомых, знаменитых «Волжских страданий»!

Задорные «страдания» сменила задушевная мелодия русской народной песни «Меж крутых бережков». Потом еще и еще...

Концерт закончился, а публика все не расходилась. Окружили усталого, счастливого, растерянного Ваню, дарили ему цветы, игрушки, конфеты. Владелец музыкального магазина Шмидт подарил своему маленькому и постоянному клиенту настоящую скрипку. Ваню поздравляли, желали счастья и, главное, советовали учиться, учиться серьезно и по-настоящему. А Ваня возвращался с концерта совершенно счастливым. Под ногами был снег, в воздухе кружились пушистые снежинки, и Ване казалось, что если разбежаться, подпрыгнуть, то можно закружиться, как эти снежинки...

Утром он спросил мать:

— Сколько мне лет?

— Шестой год пошел.

И подарила резиновый мяч. Ведь у него был праздник — первый большой концерт.

Вскоре Ваня повторил свое выступление в здании Народного дома. И на этот раз успех был огромным.

В Балакове заговорили о маленьком музыканте, прочили ему большую будущность. Конечно, ему надо еще серьезно учиться, а пока... Пока была нужда. И маленькому Ване, как тысячам его сверстников в то время, надо было зарабатывать на хлеб. Счастье еще, что одно у него было решено: он стал гармонистом.

Вскоре после своих концертных триумфов Ваню вместе с Дмитрием определили в ресторан. В заведении был постоянный гармонист — Федор Хаяров, первый Ванин учитель. С приходом братьев образовалось трио гармонистов. И хотя Ф. Хаяров был ведущим солистом, игра Вани все же выделялась виртуозностью и чистотой исполнения. Это был тяжелый труд. Шестилетнему мальчику наравне со взрослыми приходилось играть иногда по десяти, двенадцати часов в день. Особенно если их приглашали на свадьбы, именины или танцевальные вечера. Это была совсем нелегкая, не детская жизнь, и все-таки Ваня знал радость: ведь он жил музыкой.

Жители Балакова специально приходили в питейное заведение — послушать юного гармониста. Молва о нем разнеслась по всему городу. Многие наведывались туда, чтобы лично убедиться в необыкновенном таланте мальчика. Звуки его гармоники росли, крепили, и слышались в них то пастушья дудка, то звуки колокольчика, то трели соловья...

Когда Ваня исполнял известную русскую народную песню «Вот мчится тройка почтовая», он старался передать звон почтового колокольчика: вот он звучит все тише и тише, словно удаляется, пока последние звуки не замрут в молчании...

Чуткая музыкальная память мальчика быстро улавливала всякую новую песню или мелодию, и он умел точно, со всеми музыкальными оттенками, воспроизве-

сти ее на своей гармонике, окрасив полифонией и аккордами. Уже тогда у Вани Паницкого выработалась своеобразная манера исполнения русских народных песен. У всякого, кто слышал их в исполнении юного музыканта, они надолго оставались в памяти. Многие говорили:

— Хорошо играет малый. Как он умеет почувствовать саму душу песни!

Даже дядя Яша, старый и хмурый официант, и тот оживлялся, когда Ваня выводил вариации песни «Среди долины ровныя». Ну, а когда приходилось играть удалые песни, то в такт музыкантам раздавались притопы и восторгам не было конца.

Музыка стала главным смыслом в жизни мальчика. Звуки уже не существовали сами по себе, он жил ими, и даже его мысль обретала форму звука.

* * *

Очень любил Ваня слушать песни. Воскресными летними вечерами, когда над городом спускались сумерки и слобода погружалась в дрему, с Волги тянуло прохладой и за околицей, что на крутом берегу Волги, собиралась молодежь. Песни пели спокойно и задумчиво. Слова их постепенно таяли вдали. До глубокой ночи, иногда до света.

Можно ли не любить русские песни? В них словно живут неоглядные просторы, глубокие реки, дремучие леса, в них счастье и горе, любовь и разлука, в них бьется горячее человеческое сердце. Может быть, поэтому так широки и задумчивы они. Русская песня — желанная гостья всюду.

Вслушиваясь в эти то задумчивые, то удалые напевы, Ваня, обладавший абсолютным музыкальным слухом

и феноменальной памятью, дома подбирал эти мелодии на своей гармонике, часто дополняя их собственными вариациями. Да и мать его знала не одну сотню крестьянских песен и припевок. От нее Ваня услышал много народных песен, запоминал их «на голос». Когда мать Вани пела, заслушивались все. Она говорила Ване, что песней любую тоску-печаль перескажешь, любой радости порадуеться.

— В песнях моей матери все было ясно, и как-то доверительно у нее выходило,— вспоминал Иван Яковлевич.— Она учила меня понимать песню. «Ее надо не просто петь, а уметь рассказывать песней то, что чувствуешь»,— говорила она.

Ваня жадно прислушивался, стараясь лучше понять, как и о чем она поет. Пела она о женской доле. Иной раз ее пение до слез трогало слушателей. Вот такой она и запомнилась Ване на всю жизнь.

* * *

Но все-таки очень тяжело это было—играть в ресторане по много часов подряд. Дым. Гам. Полупьяные посетители... Однажды, это было зимой, в разгар рождественских праздников Ваню позвал к себе хозяин:

— Завтра, Ванюша, сюда не приходи. Пойдешь к господину...— и он назвал фамилию одного очень богатого и известного в городе купца.

Лакей проводил слегка заробевшего Ваню в большой зал. Ваня услышал множество веселых детских голосов. Запах свежей хвои, потрескивание свечей... Это был самый веселый зимний праздник — рождественская елка.

Когда Ваня заиграл на своей гармонике, его мигом окружили и дети, и взрослые: «Надо же, такой малень-

кий мальчуган, совсем такой, как и эти ребяташки, а как уверенно, по-взрослому играет. А как серьезен. Да он настоящий музыкант!»

А Ваня играл польки, вальсы, мазурки... Дети танцевали вокруг елки, пели. Ах, как Ване хотелось быть вместе с ними, петь, прыгать, веселиться! Вот как, оказывается, выглядит праздник... И он долго, очень долго помнил запах елки, звонкое детское веселье.

* * *

Ваня рос. И все сложнее, тоньше и радостнее становились его отношения с окружающим миром. Это было счастье — ранним летним утром выбежать во двор и вдруг ощутить, как все на тебя обрушивается: и легкое дрожание листьев, и пение птиц, и кружащие голову ароматы цветов и травы. Или стоять на пригорке, слушая, как ветер свистит так вольно и мирно, чувствуя, как солнце светит так щедро и весело. Кажется, протяни руку — и ты поймаешь эти мелодии жизни. Мать входит в комнату и видит: Ваня один, занят странным занятием — шевелит пальцами, словно что-то ловит в воздухе.

— Ты что, сынок?

— Хочу поймать звуки! Ты не слышишь? Они вокруг летают, летают, никак не поймаю их!

Однажды вместе с Анфисой, своей старшей сестренкой, они забрели далеко от города. День был жаркий, кругом травы, цветы — до самого горизонта. Знойно. Все словно замерло от жары, и слышно лишь громкое, деловое жужжание тысяч пчел. Ване казалось, что жужжат они очень рассерженно. Дед Егор, пасечник, ободрил: «Идите, идите. Не бойтесь пчел, видите: они заняты, у них свои заботы, не до вас им вовсе». Они подру-

жились, и Ваня с сестренкой часто прибежали на пасеку.

Дед Егор говорил о пчелах, как о людях. Он знал про них множество интересных историй. Ваня слушает деда Егора, подойдет к улью, приложит ухо и стоит, как зачарованный. Там, внутри, своим чередом идет работа. Мальчик прислушивается к плотному, радостному, живому и, как ему кажется, очень музыкальному пчелиному гулу. Пчелы как бы говорят друг с другом при помощи разных движений. Ваня думает, что все это можно сыграть: как пахнет клевером парное молоко, как сторожат тишину кузнечики... Он научился различать ритм падающего зимой снега, полета стрекозы... Оставалось только найти эти звуки на гармонике. И мальчик часами трудился, подбирая непослушные звуки, стараясь слить их в цельную музыкальную фразу.

Много позже, когда Иван Яковлевич был уже хорошо знаком с музыкальной грамотой, он говорил, что пчелиный гул напоминает ему скрипичный квинтет. Звуки то повышаются, то понижаются, создавая как бы симфонию напряженного труда. А полет бабочек напоминает Ивану Яковлевичу беглый этюд Черни, построенный гаммообразным порядком. А едва уловимый звук, который издает бабочка, летающая по комнате, можно сравнить с ударением из двух нот, причем одна из этих чередующихся нот — акцентирующая, а все вместе по темпу напоминает трель.

Разумеется, это очень субъективные ощущения. Но важно другое: все, что его так радовало, что так чутко им воспринималось,— все ему хотелось сыграть. Мальчику казалось, что вот еще чуть-чуть, и эта ночь, и сосновый запах леса, и шелест березы под окном, и гудение майского жука, и вздохи воды в реке, еще чуть-чуть — и все само по себе выльется в замечательную мелодию.

Самым ранним и сильным, прошедшим через всю жизнь музыканта впечатлением была великая Волга. Это трудно описать. Можно лишь охватить одним взглядом, вдохнуть глубоко и полно простор волжского половодья. Здесь такая красота — так широко и свободно, так легко дышится! А вечером опускается солнце и из трюмов пароходов доносится запах соленой рыбы, слышны песни грузчиков, этих истинных волгарей. Вдруг высоко начинает один голос, тенор: «Ой да ты, калинушка...», а во втором куплете подхватывают песню мужские голоса, да так слаженно, что мурашки побегут по телу.

Ночь. Бакенщик на лодке. В воде отражаются огни буксиров, по реке тянутся плоты с огнями костров. Все звуки словно обретают плоть, становятся «тверже», и по-особому звучат пароходные гудки.

Ваня часто прибегал на пристань и слушал, как переговариваются между собой пароходы. У каждого — свой голос. Мальчик мог безошибочно, точно передать на своей гармонике эти голоса. Гудок парохода «Русь», например, он подобрал в тональности фа-минор, а гудок парохода «Купеческий» звучал как аккорд увеличенного трезвучия. Сигнал парохода «Самолет» можно было изобразить всего одной нотой — фа-диез. Гудок же парохода «Чехов» — это аккорд си-минор в широком расположении.

Иван Яковлевич и сейчас огорчается, что никем из музыкантов не были созданы записи звуков пароходных гудков, их тональностей.

К Ване часто обращались на пристани: «Угадай, какой подходит пароход?» И он по гудку всегда точно определял, ни разу не ошибся.

Его отцу как-то надо было плыть в Царицын, а пароход до Царицына — «Кавказ и Меркурий» — приходил в Балаково глубокой ночью. Яков Иванович все беспокоился, не проспать бы. Ваня, зная наизусть созвучия гудков каждого парохода, разбудил отца, когда «Кавказ и Меркурий» швартовался у причала.

В трактире, где играл Ваня, к нему часто подходили подвыпившие владельцы или капитаны пароходов и просили: «Ну-ка, Ванюша, сыграй гудок моего парохода!» Позднее, когда Ваня Паницкий уже прекрасно разбирался в построении аккордов и аккордовых созвучий, целый ряд музыкальных ассоциаций связывался у него всегда с чем-то конкретным, с тем, что он сам лично ощущал или мог ощутить. Происходил как бы обратный процесс: перевод с языка музыкальных образов. Например, аккорд увеличенного трезвучия, состоящий из нот ми-соль диез-до, он сравнивал с водой.

— Вода, — говорил он, — текуча и не меняет формы. И аккорд этот текуч и может быть отлит в любую форму. И точно так же, как без воды невозможна жизнь, так и в музыке невозможно обойтись без таких аккордов.

А соль-мажорный аккорд всегда почему-то рождает ассоциацию с запахом крепко заваренного чая. В музыке же этот аккорд связан для него с темой воинственной, с темой путешествия...

— А вообще, — утверждает Иван Яковлевич, — решительно все в жизни можно изобразить посредством звука. И все вокруг необычайно богато звуками, нужно только уметь слушать.

Однажды, вспоминает он, бригада артистов, среди которых был и Иван Яковлевич, возвращалась из гастрольной поездки по области. Ехали мимо железнодорожной станции, промчался с протяжными гудками длинный

состав. Иван Яковлевич предложил игру: кто правильно определит по гудку паровоза, из каких нот состоит аккорд? Никто не отгадал. Иван Яковлевич не только назвал ноты, но и проиграл гудок на баяне, потом сыграл, как вообще «звучит» мчащийся состав. Все удивлялись, смеялись, говорили Ивану Яковлевичу, что для него вопреки существующей теории о молекулярном строении вещества весь мир состоит лишь из одних звуков.

* * *

Каждая историческая эпоха выдвигает такую проблему, которая определяет все стороны общественной и политической жизни и, разумеется, создает определенную творческую атмосферу. Россия в начале века жила ожиданием грозы. «Буря. Скоро грянет буря!»— это чувствовалось во всем. Художественная жизнь стремительна, бурна, разнообразна. Сложнейшая перестройка, характерная для социальных и общественных процессов,— все это разве могло не отразиться на культуре? Вокруг происходила борьба различных направлений в разных видах искусства.

Вот, например, театр. Его невозможно представить без того нового, что внесли такие крупнейшие мастера мировой режиссуры, как К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов, К. А. Мардженов, Вс. Э. Мейерхольд. Этим очень разных в своих творческих исканиях мастеров объединяло одно: они во многом определили прогрессивное сценическое искусство не только на столичных сценах, но оказали большое влияние и на провинциальный театр. (Через несколько лет именно они с восторгом и полностью приняли революцию и стали создавать новое, советское театральное искусство). А ведь театром, теми тенденциями, которые

он отражал, в значительной степени определялась культурная жизнь в целом. А особенно в провинции. Надо сказать, что русский провинциальный театр в те времена мог вполне успешно конкурировать с театрами столиц. Не везде, разумеется. Но такие крупные коллективы, как «Саратовско-Казанское товарищество» М. М. Бородая или театр Д. И. Басманова в Нижнем Новгороде, — все это «первый ряд» русских театров, горячо откликнувшихся на новые веяния. Провинциальная сцена всегда поглощала огромную драматургическую продукцию. Ведь в маленьком городке театр, если он был, или гастроллирующая труппа почти ежедневно должны были «давать премьеру». Так что выбор драматургии зависел, естественно, от гражданских тенденций театра, а это, в свою очередь, чрезвычайно сильно влияло на общественное умонастроение.

Но существовало множество и других направлений в театральном искусстве, стоявших на позициях полного отказа от гражданственности, от реалистических тенденций.

А в литературе? Горький и Чехов — с одной стороны, и декаденты и символисты. Вообще в это время волна модернизма захватила и театр, и живопись, и литературу. Рождались все новые и новые направления, возникали группировки, провозглашались лозунги. То, что выдвигалось сегодня, отменялось завтра, но лишь в одном они сходились с завидным единодушием: в полном отрицании, активном неприятии народности.

В музыкальной жизни, напротив, заметно повысился интерес именно к народной музыке, во всяком случае у большинства прогрессивно настроенной интеллигенции.

В 1906 году в столице при Московском обществе народных университетов открылась Народная консерватория.

рия. Власти противодействовали, и, несмотря на большое число желающих там заниматься (а быть может, именно поэтому), широкого распространения это замечательное начинание не имело.

Профессиональные музыканты начали пристально интересоваться народным фольклором. Стараниями некоторых энтузиастов на фонограф были записаны и, таким образом, сохранены подлинные шедевры старинной народной музыки, без которых понятие «рациональная музыкальная культура» было бы неполным.

Повысился интерес и к творчеству именно русских композиторов. Достаточно просмотреть хотя бы концертные программы тех лет: Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский, Балакирев... Эти имена занимают все большее место в концертном репертуаре. Но подлинно национальная музыкальная культура — понятие многосоставное. Это не только произведения композиторов-классиков и народный фольклор. В это время все большее значение приобретает такое явление, как бытовая музыка города и деревни. В самом деле: ведь именно бытовая песня точнее всего отражает эпоху, время и социальную среду.

Сложная музыка симфоний была недоступна народу. В музыкальный быт простого горожанина входили мещанские песни и всевозможные «душещипательные» романсы и частушки. В деревне бытовали еще старинные былины. Но уже стало заметным то взаимное влияние, которое оказывала городская песня на деревенскую, и наоборот. Лучшие городские песни стали по-настоящему народными, любимыми песнями и даже несколько не утратили своего обаяния: «Раскинулось море широко», «Из-за острова на стрежень», вальс «На сопках Маньчжурии»...

В жизнь народа в это же время входила и совсем

новая песня — политическая. Распространителями этих песен часто были трактирные музыканты: их пели под аккомпанемент балалайки или гармоники. Так зазвучали повсеместно «Варшавянка» и «Дубинушка», марши «Тоска по Родине» и «От павших твердынь Порт-Артура».

И все-таки интерес к народной музыке, к народным инструментам носил, если можно так сказать, эпизодический характер. Пока она еще покоится на «задворках» музыкальной культуры, музыкальной жизни. Никто, например, всерьез не принимает баянной музыки. Никому и в голову не приходит поставить баян в один ряд с такими классическими инструментами, как, скажем, фортепиано или скрипка. Исполнители-баянисты не считались серьезными музыкантами. Для этого, правда, были кое-какие основания: отсутствие настоящей школы, сложившихся традиций, специального репертуара. Нужно было обладать слишком яркой художественной индивидуальностью, чтобы подняться над уровнем привычных представлений о баянной музыке как о музыке неполноценной, «второстепенной».

1915 год принес Ване очень важное событие. В Балаково приехала из Саратова для преподавания игры на фортепиано профессиональная пианистка — Александра Васильевна Бобылева.

Торжественный вечер по случаю очередного выпуска двухгодичной школы по традиции завершился концертом, на котором должна была выступить Александра Васильевна. Разумеется, в числе приглашенных был и Ваня.

Александра Васильевна была неплохой пианисткой. Очень технично, изящно она исполнила несколько произведений Шопена. Ваню потрясла эта музыка. У него даже закружилась немного голова и словно бы отнялись

руки. Спазмы сдавили горло. И когда А. И. Майоров подвел его, чтобы представить Александре Васильевне, мальчик прикоснулся к ее рукам и разрыдался. Александра Васильевна и сама была почти до слез взволнована и растрогана. Она гладила его по голове и приговаривала: «Ну, успокойся, успокойся. Тебе так понравилась эта музыка?» Она уже слышала от Аркадия Ивановича Майорова о даровании этого маленького впечатлительного музыканта. К ним подошел знаменитый в городе богач, большой почитатель искусства Иван Васильевич Кобзарь.

— Ты так хочешь научиться играть на фортепиано?

Ваня даже не смог ответить, кивнул. Кобзарь тут же упросил Александру Васильевну позаниматься с Ваней. И все расходы обещал взять на себя.

Вскоре начались его занятия с пианисткой.

Прослушав Ваню, А. В. Бобылева сказала, что он несомненно очень даровит, что ему следует учиться игре на фортепиано, а гармошка... гармошка слишком примитивный инструмент. И она взяла слово с Вани и его отца, что он никогда больше не будет играть в трактире.

Через некоторое время в доме Паницких появилось старенькое, прямострунное, чрезвычайно расстроенное фортепиано.

Занимались два раза в неделю, разучивали гаммы и различные упражнения. Так как Ваня не знал нотной грамоты, он все эти упражнения и гаммы помнил «на слух». Пианистка ему их проигрывала, он запоминал и дома отрабатывал. Это было совсем невесело и быстро ему надоело. Так хотелось играть вальсы, какие-нибудь пьесы разучивать, а тут гаммы и упражнения, упражнения и гаммы... Он чувствовал себя пленником скучных и сухих упражнений и под различным предлогом старался удрать от них на улицу к ребятам.

Иногда в своей детской и наивной жестокости он думал: «Хорошо, не было бы сегодня занятий. Или вообще бы их не было. Может, Александра Васильевна скоро умрет?» И спрашивал с надеждой в голосе свою учительницу: «А вы еще не заболели?» Добрая Александра Васильевна была тронута вниманием непоседливого ученика...

Уроки тем временем становились все ненавистнее. Он перестал даже к ним готовиться. Иногда его буквально трясло на занятиях. А ничего не подозревающая Александра Васильевна упрашивала упрямого ученика одеваться потеплее. Позже Иван Яковлевич с раскаянием вспоминал, каким он был несносным, тяжелым учеником и какой доброй и терпеливой была Александра Васильевна. Она изрядно помучилась: постановка его рук была неправильной, пальцы не хотели слушаться, выпрямлялись.

— Круглее, круглее, мягче пальчики! — ежесекундно напоминала Александра Васильевна.

Прошел год. Упражнения так надоели Ване, что он решил вообще бросить занятия. Он завидовал другим ученикам: те играли веселые пьески, разучивали вальсы, а у него одно и то же, одно и то же...

Но, вот как-то Александра Васильевна разобрала с ним небольшую пьеску с аккомпанементом в левой руке. С тех пор все пошло иначе. Ваня был благодарен своей учительнице, ему казалось, что эту пьеску она написала сама специально для него. После занятий Александра Васильевна часто что-нибудь играла Ване. А он слушал ее игру, мечтал: вырастет, разбогатеет и отдаст все свое богатство Александре Васильевне: ведь она так чудесно играет!

Одно было огорчительно: звуки его старого фортепиано по сравнению с роялем, на котором он занимался

с Бобылевой, напоминали треньканье балалайки. Одна и та же пьеса звучала дома до обидного невыразительно.

Александра Васильевна в один из своих приходов в дом Паницких, проиграв что-то на их инструменте, сказала, что Ване, конечно, следовало иметь хороший инструмент, для музыканта это очень важно.

И как ни тяжело было Якову Ивановичу, он собрал деньги и купил сыну пианино фабрики «Кельман». Ваня прыгал от счастья и долго не отходил от инструмента, у которого были такие бархатные, мягкие звуки.

Так прошло три года, и Ванины успехи были уже значительны, когда занятия были прерваны внезапным отъездом из города Александры Васильевны.

Шло время. Ваня уже не просто неосознанно чувствует, но твердо знает: музыка — это вся его жизнь. Однако с прекращением занятий на фортепиано он, как и прежде, стал играть с братом в ресторане. Не только для того, чтобы заработать. Чтобы постараться выразить себя и сделать внятными для других мир, который бушевал в нем и требовал выхода. Пусть ему еще далеко до зрелости, до настоящего мастерства, но Ваня, еще совсем мальчишка, уже понимал, как необходимы ему это мастерство и умение. И чем сложнее и необычнее становился с годами этот мир, обитавший в нем, тем увереннее и точнее должна быть его игра.

Скоро у себя в Балакове он стал известен как удивительный гармонист, не имеющий соперников. А к этому времени Балаково уже не был прежним маленьким, уютненьким, спокойненьким городком: домишки с покосившимися крышами, горбатая булыжная мостовая, герани в маленьких окошках. Так бы и прожил здесь в безвременье обыватель, но время распорядилось по-своему: загремели пушки первой мировой войны, и вся страна всколыхнулась от их грохота. Прежняя жизнь

стала невыносима: в воздухе пахло предвестием мировой грозы. Город наполнился громыханьем обозов: двинулась окрестная деревня. Куда? Парни и молодые мужики, побросав свои хозяйства, набивались в товарные составы и направлялись на запад. Туда, где потом в грязи и сырости окопов, среди огня и дыма погибали ни за что ни про что.

Как все ребята, Ваня грезил военными подвигами. Когда по булыжной мостовой цокали копыта лошадей и хор молодцевато подбоченившихся всадников гремел радостно:

А там, приподняв занавеску,
Лишь пара голубеньких глаз...—

ах как ему хотелось мчаться за проходящим эскадронном, вздымая тучи пыли! Или еще лучше: яростно и весело врубиться в гущу боя! В эти дни его гармонь в ресторане звучала как-то особенно...

Заработанные деньги Ваня с гордостью отдавал матери. И все же семья едва сводила концы с концами. А через некоторое время к Паницким пришло большое горе: умерла мать Вани — Екатерина Фроловна. Так и не успела она стать свидетельницей будущих успехов своего дорогого Вани.

* * *

Первый хмель войны меж тем схлынул. Многие уже стали понимать, что они лишь бессловесный скот — мясо в этой бойне, которую затеяли господа. Когда ей будет конец?

Все представления о войне, как о героических подвигах, победных маршах и лихих кавалерийских набегах, — все оказались сверхнаивными. Солдаты должны были уметь делать только одно: послушно умирать.

Поля зарастали. Опустели деревни, лишь ветер тербил соломенные крыши. Хлеба не было. Голод. Глухой, все нарастающий рокот вылился в повсеместное требование: «Долой войну!»

Внушительный удар по Зимнему Дворцу с крейсера «Аврора», разорвавшийся в бывшей царской спальне, эхом прокатился по всей огромной стране. Измученной. Истерзанной. Но только что бросившая оружие страна снова подняла его: в смертельной схватке сошлись класс с классом. Острая, беспощадная борьба захватила и Поволжье.

Большие события видел маленький Балаково в то время. Революция грозно вламывалась в ветхие домишки, обывательское спокойствие отошло в невозвратное прошлое. Надо было решать, на какую сторону стать, за какую правду биться.

Первые годы после революции Паницкие жили в Балакове. В 1918 году в городке формировались боевые части легендарной Чапаевской дивизии. Передышка между боями коротка, и Василий Иванович, знаменитый комдив, знает, как важно красному бойцу по-настоящему отдохнуть. Как же тут обойтись без гармониста? Кто-то рассказал ему про Ваню Паницкого: «Знатно играет». Прибыл Ваня к В. И. Чапаеву в сопровождении двух красноармейцев. В большой круг собрались конники. На соседних плетнях сидели девчата и вездесущие мальчишки. Здоровенный боец терзал гармонь. Пальцы его непослушно двигались по клавишам, и гармонь рывкала, сбиваясь с такта.

Ваню пропустили в круг. Недоверчиво на него поглядывали бойцы: ну что эдакий мальчонка может?

— Как звать? — спросил его комдив.

— Ванюшкой! — бойко ответил Ваня.

— Ты, говорят, знаменитый гармонист? Я вот тоже

в твои годы был гармонистом. Сыграй нам, что можешь, Повесели бойцов народной армии.

Ваня неторопливо расстегнул ремни на гармонике и, усевшись на пустой ящик, заиграл. Внимательно слушал его Чапаев, а потом сказал:

— Ловкий же ты, Ваня, гармонист. Здорово играешь! А ну, брат Ваня, сыграй нашенскую, русскую, плясовую, чтобы и деревья заплясали!

А сам вышел в круг, поставил одну ногу на каблук, развел в стороны руки, словно изготавившись к полету, А Ваня заиграл, сначала медленно, с душой. Василий Иванович подбоченился и пошел по кругу. Да так удало отплясывал, что бойцы один за другим, кто вприсядку, кто волчком, присвистывая и лихо притоптывая, пустились в пляс.

Стоящий рядом с Ваней усатый боец вытер пот, катившийся градом с лица, а потом все обмахивал гармониста гимнастеркой.

А тот все играл и играл. После пляски подошел к нему Чапаев:

— Ну, брат Ваня, хватит. Здорово ты нас повеселил. Давай-ка отдохнем!

— А я нисколечко не устал!

— Ну, раз так — давай споем. Ты знаешь песню «Черный ворон»?

— Нет, — огорчился Ваня.

У Чапаева был высокий тенор. Когда он начал:

— «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой. Ты добычи не добьешься, черный ворон — я не твой», — Ваня вспомнил мелодию: эту песню иногда напевала мать. Он уверенно подхватил ее на гармонике, вступили бойцы, и песня полилась мощно и слаженно.

А после сказал Ване Чапаев:

— Спасибо тебе, Ваня. Выйдет из тебя большой му-

зыконт. Вот разобьем белых и пошлем тебя учиться.

На следующий день был бой. Многие не вернулись... Долго ждал Ваня Чапаева, но увидеться так и не довелось. А слова его сбылись: из маленького вихрастого гармониста, что играл в тот вечер перед чапаевцами, вырос большой музыкант.

Ваня Паницкий всегда был любимцем красноармейцев и матросов. Когда Волжская флотилия, разбив белогвардейцев и освободив города Вольск и Хвалынский, подошла к Балакову, первыми красноармейцев и матросов встретили мальчишки. Среди них со своей гармоникой был и Ваня Паницкий.

До сих пор помнит Иван Яковлевич этот сумбурный, радостный день. Позвали его к себе матросы и красные бойцы, еще не остывшие от прошедших боев, играл он им целый день и целый вечер так, что пот градом капал с его лица. Благодарили его все, кто слушал, пел, плясал под его музыку, и отнесли Ваню усталого на руках домой.

Это был удивительный день, это было удивительное веселье — как пролог того прекрасного завтрашнего дня, ради которого умирали в бою эти бойцы и ради которого они хотели жить на земле.

СМОТРИТЕ, КАКАЯ ПРЕЛЕСТЬ РУССКАЯ ПЕСНЯ!

1921 год. Пожалуй, самый тяжелый год для молодой Советской Республики. Засуха в Поволжье. Голод. Разруха.

В поисках заработка вся семья Паницких переезжает из Балакова в Саратов. Жили очень скудно, голодали. И все-таки, несмотря на все это, Ваня не бросил музыку. Ведь именно музыка помогала ему сносить все лишения. И он занимался. Еще упорнее, еще больше.

В Саратове Иван Паницкий пришел в Посредрабис. Там на учете состояли все музыканты города. Это была совершенно новая организация, ставившая своей задачей обеспечить всех работников искусства работой в различных клубах, воинских подразделениях, кинотеатрах, ресторанах и столовых.

Все-таки это удивительно: только что родившееся новое государство среди множества наиглавнейших проблем, которые нужно было решить в первую очередь, выдвинуло, как необходимость, строительство новой советской культуры. Революция застала искусство в состоянии глубокого распада. И хотя в каждом случае это проявлялось по-разному, но главным было отрыв искусства от народных масс. Известный в те годы театральный критик А. Р. Кугель достаточно точно охарактеризовал тогдашнее состояние культурной жизни: «Сейчас оскудение потому, что мы накануне самоопределения новой демократии, новых общественных и народных слоев. В их копилке, вероятно, припасено достаточно, но наследственная кубышка пока еще не пущена в оборот со всем своим содержанием (журнал «Театр и искусство», 1917, № 1).

Наследственная кубышка... Октябрь дал сильнейший толчок к пробуждению огромной тяги народа к искусству. Но ведь новая культура не могла возникнуть вдруг, в «один прекрасный момент». Это процесс слишком сложный. Принимая наследие демократической культуры, необходимо было разобраться в том, что возникало в искусстве сегодня. Но не только разобраться, а просто

уследить за сменой художественных течений было нелегко. Многие, очень многие видели в этом хаосе ведущих концепций линию растерянности. Однако в борьбе направлений, на путях поисков, в ожесточенных схватках идей рождалось новое, прогрессивное искусство.

Вероятно, стоит напомнить читателю, что перед самой революцией художественный фронт в основном представляли три группы художников, а эти группы, в свою очередь, распадались на множество течений хотя и враждебных между собой, но смыкающихся в главных идеологических установках. Правый фланг этого фронта представляли «академисты» — это, так сказать, официальное искусство (напоминаем, мы сейчас говорим о предреволюционных годах). Вокруг журнала «Мир искусства» объединились «эстеты», самыми левыми были «футуристы», но и их ряды были не едины, а распались более чем на пять течений.

Революция, круто изменив все ритмы жизни, требовала от искусства иных, созвучных времени ритмов. Между всеми течениями началась борьба за гегемонию.

И вот ведь что парадоксально: даже после победы революции некоторые представители культуры все еще стояли на этакой «барской» точке зрения: дескать, конечно, искусство для народа нужно, но особое, как бы присевшее на корточки, сниженное, упрощенное. Дескать, настоящего искусства простому народу, широким массам не понять.

Некоторая часть художественной интеллигенции заняла пассивную позицию, никак не участвуя в создании новой культуры. Посмотрите, как горько и как точно пишет о такой позиции режиссер А. Таиров в своих «Прокламациях художника»: «Мимо нас проносились моторы, мимо шли войска, мимо провозили пушки, мимо, заливая снежные улицы, перекатывались мощные волны

рабочих, а мы стояли на тротуарах, за чертой, за цепью — зрители той непостижимой Мистерии, что творилась на наших глазах! Взволнованные, с горячим ликованием в сердцах, трепетно встречали мы Грядущую Свободу, но отраженными (разрядка наша.— М. Б., Л. Х.) были наши чувства, чувства зрителей мирового театра, на арене которого творили новую историю зодчие Новой России». А дальше, выражая точку зрения прогрессивных художников, Таиров пишет о том, что подлинное искусство «едино и самоценно», и, «отделенное до сих пор от народа стеной, оно должно стать отныне достоянием народа». Он говорит, что надо «создавать условия... для того, чтобы... освобожденные массы народа выдвинули **новых творцов** искусства, пришедших из недр народа».

«Хочется радоваться радостью ребенка, а в груди растет огромная вера в будущее!» — так немного наивно, но зато очень эмоционально передает общее настроение пролетарской художественной интеллигенции журнал «Грядущее», орган союза рабочих-писателей. Действенность искусства в это время проверялась на новом, неискушенном зрителе и слушателе. Он был требовательным и строгим, этот новый зритель и слушатель, в восприятии тех художественных ценностей, которые оставила ему предшествующая эпоха. Еще вчера солдаты и матросы, рабочие и крестьяне в большинстве своем ничего не знали об опере, а сегодня для них вдруг открылся новый мир, завоеванный ими для себя.

И самые прославленные артисты, выступая перед таким зрительным залом, волновались несравненно больше, чем перед самыми ответственными премьерами.

В специальных народных спектаклях и концертах, которые организуются по удешевленным ценам для студентов, рабочих, воинов, принимают участие виднейшие

артисты. В то время было особенно важно, чтобы искусство представляли настоящие, большие мастера. (Правда, вряд ли кто станет оспаривать подобную необходимость для любого времени.)

Вот почему, когда И. Паницкий явился в специальную комиссию для прослушивания, он знал, что требования к нему, как к музыканту, несмотря на его молодость, будут предъявлены очень высокие. Все члены комиссии во главе с профессором Саратовской консерватории Л. М. Рудольфом были восхищены мастерством молодого музыканта, одобрен был и его репертуар. Ивану Паницкому установили первую исполнительскую категорию.

Вскоре он стал выступать в рабочих клубах, перед молодыми воинами Красной Армии. Это было нелегкое, но радостное время. Уже много лет спустя, Иван Яковлевич вспоминал тот день, когда он, счастливый и гордый, пришел домой и выложил на стол целую буханку жесткого, пополам с овсом, хлеба, выданного ему бойцами Красной Армии.

— Именно тогда, — говорит Иван Яковлевич, — у меня родилось радостное сознание, что я, музыкант, могу быть полезным нашей молодой Республике и доставлять своей игрой радость слушателям.

И еще одно радостное событие тех лет постоянно живет в сердце Ивана Яковлевича: в Саратове он впервые наравне с другими принял участие в демонстрации трудящихся на площади Революции и от всей души выкрикивал «ура!», проходя мимо трибуны. Об этом он много и восторженно рассказывал своей сестре, отцу и старшему брату.

* * *

Выступления радовали Ивана. Радовал и неизменно теплый прием слушателей. Радовало то, что он, подро-

ток, наравне со взрослыми музыкантами считается профессионалом.

Плохо было другое: его заработка не хватало для большой семьи. Ваня договорился с Яковом Бесфамильным, тоже гармонистом, и его сестрой — Ниной играть на базарах. Так возникло на короткое время трио «бродячих» музыкантов. В воскресные и базарные дни они отправлялись на заработки. Когда на звуки двух гармоник вокруг собирался народ, Нина начинала петь. Успех был всегда большой, ну, а расплачивались — кто сколько мог, разумеется. Это был все-таки очень ненадежный заработок, и по вечерам Иван снова начал играть в ресторане.

В те годы в Саратове было много хороших музыкантов, мастеров игры на гармонике. Но даже и среди них выделялся своей мастерской игрой на двухрядной хроматической гармонике совсем еще юный Иван Паницкий.

* * *

В начале двадцатых годов в Саратове стали популярны инструментальное трио: скрипка, виолончель и фортепиано. Иван часто приходил в кинотеатр или ресторан послушать игру такого небольшого ансамбля. Скрипка покорила его. Она настолько увлекла юношу своей задушевной певучестью и мелодичностью, что он решил непременно научиться игре на этом инструменте. Старший брат Василий отдал ему подаренную когда-то Шмидтом скрипку, и Ваня самостоятельно начал заниматься.

Но овладеть скрипкой оказалось не так-то легко. Нужен был педагог, нужно было изучить ноты, а Ваня не только нотам — грамоте-то, в сущности, не был обучен.

Но были воля и упорство плюс абсолютный слух и исключительная музыкальная память. Обучить его взялся Павел Ермолов. В свое время он окончил Саратовское музыкальное училище по классу скрипки. Это был добрый человек и одаренный музыкант, но его артистическая судьба сложилась неудачно. В то время когда Ваня познакомился с ним, Ермолов уже много лет играл в ресторанах.

Конечно, ни о каком серьезном преподавании они не договаривались. Иван узнал, как надо держать скрипку, научился правильно владеть смычком. Никаких нот, никакого разучивания гамм или упражнений — сразу несложные мелодии. Вскоре Ваня научился играть на скрипке вальсы, романсы, песни... Словом, как ресторанный скрипач он был уже вполне подготовлен.

Правда, звук его скрипки был хриплым, не чистым. Музыканты иногда говорили хозяину: «Ну какой он скрипач. И скрипка-то его фальшивит...» Но хозяину было выгодно: ведь Ваня, так виртуозно владеющий гармоникой, мог, в случае надобности, быть и пианистом, и скрипачом. Правда, в ресторан «Новый свет», где играл Иван Паницкий, многих посетителей привлекала именно его слава гармониста. Часто приходили сюда и профессиональные музыканты, чтобы послушать его игру, и просто любители баянной музыки. Вскоре об Иване Паницком заговорили, как о лучшем гармонисте Саратова. А ведь мнение музыкантов неподкупно. Когда они собираются молча, чтобы послушать игру или репетицию, и так же молча уходят с последним аккордом, значит — было что слушать.

А скрипка ему не давалась: она не пела в его руках. Он знал, чувствовал, что этот благородный инструмент должен звучать совсем иначе.

Однажды, идя на работу, он услышал из окна какого-то дома удивительные звуки. Это была скрипка. Но как чудесно звучала она, какая удивительная мелодия рождалась под смычком неизвестного скрипача!

Иван забыл обо всем и как вкопанный простоял под окном до тех пор, пока музыкант не закончил исполнение. Вскоре Иван узнал, что незнакомый скрипач — профессор Московской консерватории Яков Рабинович, приехавший погостить в Саратов. Разучивал он в тот день один из концертов Баха.

С того дня Иван часто приходил под окно Якова Рабиновича и подолгу слушал его мастерскую игру. С безапелляционностью юности решил про себя: «Научусь также играть на скрипке, хочу быть настоящим скрипачом». Ермолов познакомил Ваню с еще одним скрипачом, окончившим Саратовскую консерваторию, — Володей Пономаревым. Они подружились, Володя проигрывал для него этюды Кайзера, отрывки из этюдов Крейцера, показывал ему некоторые упражнения для развития техники. Правда, все это было «на слух», без нот.

Ваня занимался много и упорно. Иногда по восьми и десяти часов в день, но настоящего звука не получалось. Можно, оказывается, десятки раз повторять музыкальную фразу, и все равно не добиться толку, не зная ее «секрета». А как ухватить «секрет»? Как поймать ощущение, даже не знание, а именно ощущение безошибочности звучания? Добрых советчиков достаточно, многие советы годятся, но...

Судьба, случай, удачное стечение обстоятельств — можно назвать как угодно — еще раз помогли Ивану Паницкому. С ним в доме жил веселый, общительный, очень хороший парень комсомолец Саша Лыжин. Саша был большой любитель музыки, играл на балалайке в оркестре и, конечно, был поклонником дарования Вани.

Они быстро подружились. Сашу в его новом приятеле подкупали не только талант, не только общность их музыкальных вкусов, но и его удивительное трудолюбие.

— Тебе обязательно надо учиться! Надо что-то придумать,— говорил Саша.

И придумал. Пошел в консерваторию, его привели к преподавателю Григорию Кондратьевичу Ершову. Саша горячо, немного сбивчиво стал рассказывать о своем друге. Г. К. Ершов предложил выступить Ивану Паницкому в концерте для заводской молодежи вместе со студентами консерватории.

В клубе «Комсомолец» Иван сыграл на скрипке несколько романсов, а на гармонике — русских народных песен. После концерта разгоряченные успехом молодые исполнители долго не расходились. Один из студентов, пианист, сыграл мелодию очень модного в те годы фокстрота «Миссавелин». Иван прослушал, запомнил и под аккомпанемент рояля на скрипке сыграл эту мелодию. Потом импровизированный дуэт ее повторил, но Ваня уже выдал свою импровизацию на мелодию фокстрота. Расстались в тот вечер добрыми друзьями...

А через несколько дней Ивана прослушали профессор Саратовской консерватории Борис Константинович Радугин и Григорий Кондратьевич Ершов. Судьба его была решена: его рекомендовали для поступления в музыкальное училище. Больше того, в судьбе талантливого музыканта приняло участие Саратовское отделение Пролеткульта: его решили направить в Московскую консерваторию. Это была радость, это была удача, Ваню все поздравляли, но... ведь он был кормильцем большой семьи, пришлось отказаться.

В 1925 году Иван Паницкий стал учащимся Саратовского музыкального училища по классу скрипки. Первый год был не совсем удачным: Иван занимался

в классе Б. А. Богатырева, ученик и учитель не нашли общего языка, и на следующий год он перешел в класс преподавателя Г. К. Ершова.

Опытный педагог Г. К. Ершов отнесся к юноше с отеческим вниманием. С первых уроков он приучил своего ученика к мысли, что путь в настоящее искусство— это постоянный и упорный труд, который вознаграждается ни с чем не сравнимыми ощущениями радости творчества. Г. К. Ершову было совсем нелегко заниматься с совершенно неграмотным и притом незрячим юношей. Но надо сказать, он обладал настоящим талантом педагога. У него была большая, горячая душа музыканта, способность понимать психологию ученика, заинтересовать и увлечь его. Г. К. Ершов очень многое сделал для развития музыкального дарования Ивана Паницкого, но, пожалуй, самое главное — он привил ему подлинную страсть к искусству, научил любить труд. И это трудолюбие, эта одержимость музыкой осталась у Ивана Яковлевича на всю жизнь.

С Иваном Паницким у Г. К. Ершова установились дружеские отношения. Старому педагогу нравился способный серьезный ученик, и он охотно уделял ему время сверх положенных учебных часов: подолгу беседовал с ним, знакомил с классической музыкой. Все это имело огромное значение для начинающего музыканта: расширялся его кругозор, развивался и обогащался художественный вкус. Именно от Г. К. Ершова Иван впервые услышал о жизни и творчестве выдающихся композиторов. Понял, что искусство не терпит половинчатости: ему нужно отдать жизнь без остатка.

Это хорошо, что рядом с Иваном Паницким оказывались люди, которые разбудили в нем художника, но провести и выиграть сражение должен был он один.

Три года упорных занятий. Дисциплина жизни, ре-

жим — все подчинено музыке. И все-таки он был недоволен: трудился часами, отделявая мельчайшую подробность, прежде чем слить ее с другими в одной отточенной музыкальной фразе. Ему хотелось, чтобы фраза обрела цельность, «выпевалась» без труда, с абсолютной легкостью.

В его репертуаре были крупные произведения Паганини, Крейсера, Чайковского, Венявского, исполнял он их довольно свободно, но разве так звучала скрипка у Рабиновича или Блиндера? Разве звучала она так, как ему самому хотелось? Были минуты настоящего отчаяния...

И снова судьба столкнула его с Б. А. Богатыревым. Тот уговорил Ивана возобновить совместные занятия, и Иван согласился: ему очень нужна была поддержка, уверенность в успехе, а Б. А. Богатырев все это сулил в самом ближайшем будущем.

— Ты будешь второй Паганини! Надо только как следует отработать технику.

Ну что ж, технику так технику. Снова полетели дни еще более упорного труда. Сказались, вероятно, напряжение последних лет и не оправдавшая себя методика работы Б. А. Богатырева, но результат был тяжелым: Иван «переиграл» левую руку, и музыкальное училище пришлось оставить.

Трудно сейчас сказать, как сложилась бы творческая судьба Паницкого-скрипача. Возможно, он стал бы выдающимся исполнителем, но сегодня мы благодарны случаю, подарившему нам Паницкого-баяниста, художника с резко очерченной музыкальной индивидуальностью.

Оставив училище, Иван вернулся к гармонике. Ничего не умея и не желая делать вполсилы, он все свое время отдает работе с гармоникой. Его авторитет блес-

тящего исполнителя и музыканта с ярко выраженным авторским началом очень высок. Большой популярностью пользуются его импровизации. Более всего в этот период он уделяет внимание расширению репертуара, в котором появляются новые произведения: «Чардаш» Монти, «Мазурка» Венявского, «Жаворонок» Глинки, а также вариации в собственной обработке на русские народные песни: «Светит месяц», «Коробейники»...

Несмотря на то что в Саратове было много хороших гармонистов, игра Ивана Паницкого выделялась своей задушевностью и певучестью. Русские народные песни в его исполнении звучали нарядно, празднично. Исполняя их с вариациями в собственной обработке, он как бы говорил: «Смотрите, какая прелесть эта русская песня, живущая в народе с незапамятных времен». Особенно удачно звучали в его исполнении «Меж крутых бережков», «Полосынька», «Светит месяц» и «Саратовские переборы». Музыка в его вариациях — это сплошные кружева.

Очень молодой гармонист Иван Паницкий не имел соперников в Саратове. Инструментом он владел в совершенстве. К нему пришла настоящая слава. Успех он имел просто головокружительный. Его игру узнавали сразу: по технике исполнения и тембру звучания гармоника. Можно сказать, что уже тогда была выработана своя школа, свой стиль.

* * *

Середина двадцатых годов. Страна крепла, наливалась силой. Уже не видно было бездымных труб и безжизненных, заброшенных заводов. Сто шестьдесят миллионов, которые составляли великий советский народ, впервые за всю мировую историю стали хозяевами не-

объятных просторов своей земли. «Эпоха на вырост» досталась этому поколению.

Все было молодо. Все надо было начинать сначала. И ничто не давалось без боя. Со всем, что было враждебно молодой республике, велась острая и напряженная борьба.

В искусстве тоже идут жаркие схватки: с обывательщиной и мещанством, поднявшими голову в короткий период нэпа. Ведь обыватель и мещанин обожают, когда порочат славное и героическое. Тогда вроде бы все уравнино: все подленькие, грязненькие, ничтожненькие. Но гораздо опаснее были те творческие группы, которые декларировали апатизм. Некоторые из них пытались оказывать влияние и на художественную жизнь страны в целом.

В литературе такую «ультралевую» позицию занимали «Серационовы братья», а в музыке — Ассоциация современной музыки (АСМ). Эта ассоциация объединяла музыкантов, стоящих на позициях модернизма и формализма, враждебно относившихся к народной и классической музыке. Но надо было видеть, как жадно слушали музыкальные произведения русской и мировой классики рабочие, когда к ним на фабрики или заводы приезжали с концертами целые филармонические оркестры. Огромный интерес вызывало и народное искусство. Пропаганде его придавалось большое значение.

Вот почему в 1926 году комсомол взял «шефство» над гармоникой. Была поставлена задача использовать в культурно-просветительной работе любимый народный инструмент.

Вообще надо отметить, что двадцатые годы — это годы становления и развития гармонного искусства в нашей стране. Были организованы специальные конкурсы гармонистов.

Первый такой конкурс был проведен в октябре месяце 1926 года в Ленинграде в актовом зале Смольного под председательством известного композитора, заслуженного артиста Республики, директора Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова Александра Константиновича Глазунова.

Инициатором этого конкурса был большой патриот гармоника, первый в России баянист и известный в те годы педагог Яков Федорович Орланский-Титаренко. Интерес к конкурсу был так велик, что огромный зал Смольного с трудом вместил всех желающих. В выборе репертуара никаких ограничений не было, каждый играл, что хотел. Девизом конкурса стали слова В. И. Ленина, напечатанные на афишах и пригластельных билетах: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 39, стр. 235).

Выступавшие гармонисты были в основном самоучки. У каждого были выработаны своеобразные композиционные приемы: это особого рода полифония, когда основная мелодия обогащается выразительными подголосками. Лучшие исполнители демонстрировали такой высокий уровень импровизаторского мастерства, что нередко удивляли прославленных профессиональных музыкантов. Вот что позднее писал Б. Асафьев об искусстве такого гармониста-импровизатора, аккомпанировавшего частушке: «...эффект был удивительный: он обвивал захватский, но неизменный напев словно бы плющом — фигурации, одна затейливее другой, ронлись вокруг голоса, а после каждого куплета врывался веселый наигрыш и заманивал певца...» и дальше: «Думается, что

подобного рода импровизации не случайны, что тут уже имеются традиции и ряд излюбленных приемов, на основе которых и развивается это искусство. За это говорит техника, уверенная и свободная, и разнообразие вариантов при осязаемой общности многих инструментальности «попевок». В импровизациях налицо изобретательность, находчивость, вкус» («Музыка и революция», 1926, № 12). Жаль, что до сих пор еще очень мало написано об искусстве импровизации на народных инструментах.

После Ленинградского такой же конкурс успешно прошел в Москве под председательством Наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского и композитора Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова при активнейшем участии народных артистов Валерии Владимировны Барсовой, Антонины Васильевны Неждановой, Всеволода Эмильевича Мейерхольда, Екатерины Васильевны Гельцер, политических деятелей Надежды Константиновны Крупской, секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косырева.

Открывая конкурс, Нарком просвещения А. В. Луначарский сказал: «Гармонь — это одна из простейших ступеней музыки, поэтому при ее помощи можно бросать светлые искры вдохновения, глубокого выражения жизни, наслаждения отдыхом, призыва к борьбе даже в такие глухие углы, куда другие формы музыкального исполнения, может быть, не скоро могут проникнуть.

Гармоника, одна из первых ступеней музыки, может развиваться и приобрести то значение, которого она никогда не имела до сих пор и не могла иметь в буржуазных странах. Гармонисты в нашей стране помогут нам ввести десятки тысяч людей в то царство гармонии, двери в которое открывает гармоника, — в царство более сложных и богатых инструментов, где гремят оркестры,

где поют хоры, где раздаются голоса обученных певцов, где все это сливается в ту нашу коммунистическую, истинно человеческую музыку, которая когда-то зазвучит для всех нас. И в особенности для Вас, — молодых». (А. В. Луначарский. В мире музыки. М., «Советский композитор», 1958, стр. 383).

Такие конкурсы стали проводиться по всей стране. Только в 1927 году проведено 27 500 местных конкурсов, в них участвовало около 300 тысяч гармонистов. Эти конкурсы собрали огромную аудиторию слушателей — более 30 миллионов человек. Клубы, где проводились соревнования, были всегда полны. Революция дала народу свободу, она словно бы расковала могучую силу — тягу к искусству. Ведь чувство прекрасного всегда жило и будет жить в русском народе. Не случайно конкурсы гармонистов были так популярны, привлекали такое множество и исполнителей, и слушателей.

Вот что писала газета «Смена» о губернском конкурсе гармонистов Москвы: «Громадный экспериментальный театр ломился от толпы зрителей. В самый расцвет Шалыпина театральные сцены не видали такого мощного подъема, такого энтузиазма, такого горячего наплыва жаждущих послушать звонко поющую певунью-чаровницу». Открывая конкурс, Нарком просвещения А. В. Луначарский сказал: «В этом простом ящике спрятаны элементы удали, размаха, громадной жизненной энергии, нежности, мечты, отваги — именно все то, что необходимо для завоевания будущего. Гармоника — это первая ступень музыкального искусства, и этот инструмент должен быть брошен в самые далекие уголки нашей страны. Гармоника должна отобразить борьбу, достижения и завоевания народной песни. Через гармонику мы будем выявлять настоящие художественные силы в народе» (Газ. «Смена», 1926, 16 декабря, № 291).

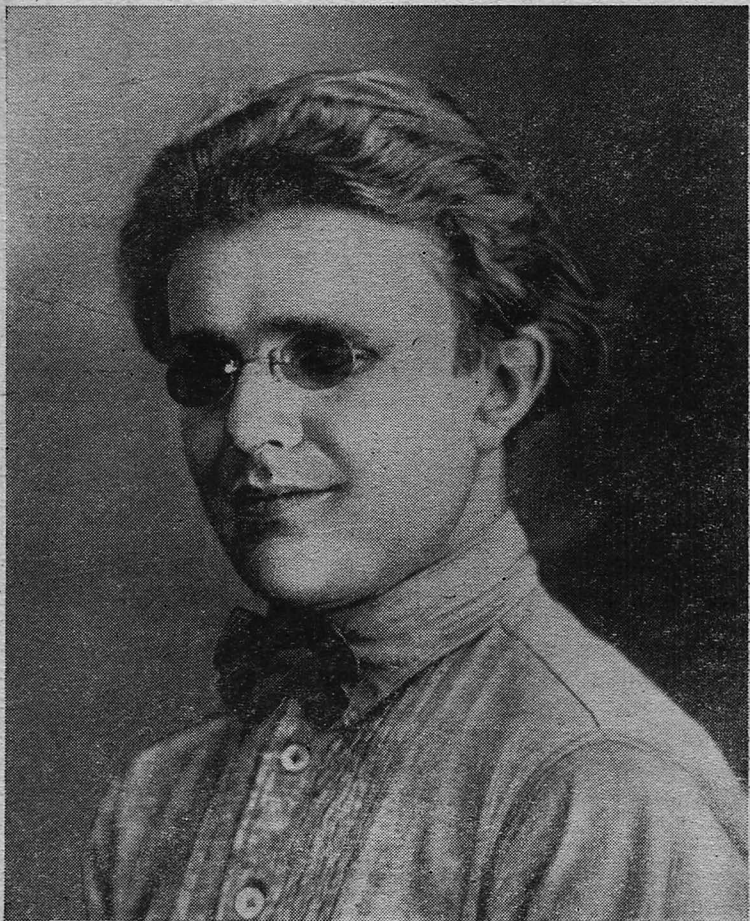

После проведения первых конкурсов гармонистов популярность баяна резко выросла.

В 1927 году в Саратове по инициативе комсомола также был организован конкурс гармонистов, привлечший внимание всей общественности города. На конкурс съехались талантливые гармонисты и баянисты не только Саратова и Саратовской области, но и других областей и городов.

Конкурс проходил в помещении цирка Бенедетто. Иван Паницкий выступал на этом конкурсе от Союза работников искусств, членом которого он состоял. На своей двухрядной хроматической гармонике он исполнил «Чардаш» Монти, «Мазурку» Венявского, «Коробейники», «Светит месяц» в собственной обработке. Слушатели горячо приветствовали участников соревнования, но после выступления Ивана Паницкого поднялся шквал аплодисментов. Даже члены жюри изменили своей судейской сдержанности. Это была победа! Паницкому вручили «Золотой жетон» и удостоверение о первой премии. Не трудно представить, как счастлив был сам лауреат. Он впервые выступил соперником настоящих профессиональных музыкантов-гармонистов и баянистов. Надо сказать, что высокая награда — «Золотой жетон» — впервые была присуждена гармонисту. Этот конкурс был отмечен для молодого музыканта еще одним событием. Он — влюбился. Влюбился в баян!

Это был инструмент, на котором ему очень хотелось играть: певучий звук, большие технические возможности. Но приобрести инструмент оказалось делом нелегким; изготовляли их в основном кустари, и найти настоящего мастера было делом сложным. Поэтому, когда Театру Малых Форм, или, как его называли, «деревенскому» театру, потребовался баянист-аккомпаниатор, Иван Паницкий немедленно согласился, так как театр... имел баян.

И. Я. Паницкий. 20-е годы.

Игру на баяне Иван освоил довольно быстро и через некоторое время отправился вместе с театром в гастрольную поездку по городам Поволжья. Он был аккомпаниатором, но нередко выступал и как солист. Все это было неплохо, но Паницкий — требовательный к себе музыкант — понимал, что настоящего мастерства в игре на баяне он не достигнет без специальных занятий. Но учиться-то было не у кого. Баян, в сущности, еще только завоевывал признание и среди музыкантов, и среди слушателей.

Настоящих баянистов-профессионалов в те годы было мало. В Саратове на баянах играли П. Рыбаков, А. Клыков, братья Бесфамильновы и другие, которые в музыкальном отношении были неграмотны. В Москве большой популярностью пользовался замечательный ансамбль баянистов в составе А. Кузнецова, Я. Попкова, М. Макарова (позднее — М. Данилова). В Ленинграде — Б. Богданов, П. Гвоздев, П. Стрыгин, это были прекрасные музыканты своего времени.

И все-таки это были плодотворные годы. Правда, во многом приходилось идти «на ощупь», открывать для себя заново уже давно открытые истины, но Иван был молод, желания работать, играть — хоть отбавляй! Не обходилось и без курьезных случаев. Это было уже после того, как он прекратил работу в театре. В Саратов приехала из Сталинграда бригада эстрадных артистов. Им позарез понадобился баянист. Естественно, саратовские музыканты порекомендовали Ивана Паницкого. Тот, недолго думая, согласился. Бригада должна была ехать в поездку по Тульской и Брянской областям. Но своего баяна-то у него не было! Тот, на котором он играл, остался в театре.

— И вот тут, — вспоминает Иван Яковлевич, — я почувствовал себя Остапом Бендером, когда тот решил

дать сеанс одновременной шахматной игры на нескольких досках. Артистов я подвести не мог. Баяна у меня нет. Есть только простая двухрядная хроматическая гармоника. Честное слово, эта идея родилась у меня от отчаяния: во время концерта я сам себе аккомпанировал левой рукой на пианино, а правой играл соло на гармонике. Иногда, когда это было необходимо, приходилось двумя руками проигрывать мелодию на рояле или пианино, и потом снова эта «эквилибристика» с двумя инструментами. А слушатели, между прочим, решили, что так и задумано, горячо аплодировали. Расхвалили меня и рецензенты местных газет.

В общем, это была поездка, когда трудности и невязки, как назло, сыпались одна за другой.

— Моя гармоника, — рассказывал Иван Яковлевич, — была настроена по камертону на звук «ля». А рояли и пианино в клубах, где мы выступали, очень редко бывали настроены правильно. Так что мне пришлось освоить еще и профессию настройщика. Тут я тоже изобрел велосипед: ключа для настройки фортепиано у меня не было. Выручили местные мальчишки: подарили ключ от коньков, но перед каждым новым концертом у меня, видите, была своя «техническая задача». Но, несмотря на трудности, это были годы радостные, до краев наполненные работой, интересными поездками, встречами.

И в личной жизни Ивана Яковлевича произошло в это время важное событие. Он встретил на своем пути замечательного человека — Прасковью Ивановну, вскоре ставшую его большим другом и женой. Энергичная и волевая женщина с твердым и прямым характером, отзывчивым сердцем, всю свою жизнь она посвятила Ивану Яковлевичу. Заботливая жена, настоящий друг, она сопровождает Ивана Яковлевича во всех гастрольных

И. Я. Паницкий с женой Прасковьей Ивановной. 30-е годы.

поездках, создает ему все условия для плодотворной творческой работы. Она оказывает ему большую помощь при записях различных обработок для баяна, и она же — первый слушатель и суровый критик. К тому же Прасковья Ивановна — постоянный секретарь своего мужа, а эти обязанности достаточно обширны: ведь Иван Яковлевич ведет большую переписку со многими любителями баянной музыки, композиторами, педагогами.

Иван Яковлевич говорит, что всем своим успехом он обязан в первую очередь своему другу — Прасковье Ивановне.

После возвращения из гастрольной поездки перед Паницким встала неотложная задача — приобрести баян. Дело не такое простое, как может показаться: промышленного производства баянов не было. Их изготовлением занимались либо кустари-одиночки, либо небольшие артели, и то только в Туле, Череповце и Ленинграде.

В Саратове жил знаменитый гармонных дел мастер Иван Фирсанович Артемьев. У него Иван Паницкий приобрел комплект голосовых планок, а собрал баян один из мастеров только что открывшейся в городе артели по изготовлению гармоник и баянов, причем Паницкий внес изменения в конструкцию левой клавиатуры: вместо пяти рядов басовой клавиатуры (вспомогательные и основные басы, мажорные, минорные и доминанты септаккордов) он ввел дополнительный, шестой ряд — уменьшенные септаккорды, расширив этим новшеством конструкцию баяна и гармонические созвучия. Аккомпанемент в левой клавиатуре был со штампованными, готовыми аккордами (И. Я. Паницкий один из первых стал играть на баяне с уменьшенными септаккордами, чтобы избежать при исполнении того или иного произведения искажения гармонии).

Баян был готов, а звука, о котором мечтал, не было! Ему хотелось, чтобы звук у его баяна был густой, плотный, как тембр трубы. Но все же это был неплохой инструмент, и Иван решил заниматься по всем правилам: изучать гаммы, арпеджио во всех тональностях, освоить правильную аппликатуру пальцев. Трудно было потому, что ни нот, ни школ для баяна найти было невозможно. Приходилось полагаться только на свое музыкальное чутье. Все постигать экспериментальным путем. Трудно было и со временем: времена студенчества, когда он

полностью отдавался только занятиям, миновали, он артист, у него много концертов, поездок, надо думать о расширении и обновлении репертуара. Поэтому заниматься приходилось урывками, в основном там, где выдастся свободная минута: в поезде, в гостинице, в перерыве между концертами.

В это очень напряженное, творчески напряженное время он создает множество оригинальных композиций и собственные обработки известных произведений. Именно в этих обработках проявилась его сильная, своеобразная индивидуальность, которая позволила ему не только принять и с блеском исполнить музыкальное произведение, но найти ему всегда новое, свежее толкование.

Вспомните хотя бы одну из самых знаменитых его обработок — «Жаворонок» Глинки или, например, обработки русских народных песен «Полосышка», «Ноченька» и многих других. Как создаются обработки? Чем руководствуется автор-исполнитель в выборе первоосновы для своих импровизаций?

Творчество — процесс скрытый. «Обнажить» здесь что-либо трудно. Как родилась, например, обработка «Полосыньки»?

— Слушая неоднократно, зная наизусть эту песню, — рассказывает Иван Яковлевич, — я вдруг однажды поймал себя вот на чем: мне представился зной летнего полдня, тишина, и в этой тишине вдруг зазвенел один высокий женский голос: «Раз полосыньку Маша жала, — золоты снопы вязала...» Во втором куплете вступил второй голос, потом — мужские голоса и где-то далеко, едва слышно — гармоника. Звуки ее все приближаются, приближаются, мелодия становится задорной, плясовой. Весь хор подхватил ее... Эти родившиеся музыкальные образы были настолько ярки, что мне оставалось только запомнить их и сыграть на баяне.

Вот уже более тридцати лет эта песня в обработке И. Паницкого не выходит из репертуара многих баянистов.

Не менее знаменита его обработка «Жаворонка» Глинки. Не изменяя мелодии, он варьирует лишь основную тему. Из года в год Паницкий меняет ее редакцию, исполняет каждый раз по-разному. И каждый раз свежо, неожиданно.

А кому из баянистов не знакома «Ноченька» в обработке Паницкого?

— Я еще сизмальства любил ночь, — вспоминает Иван Яковлевич, — все уснут, а мне кажется, что вот сейчас и начинается какая-то очень таинственная жизнь. Меня и теперь волнует образ ночи. Русская народная песня «Ноченька» по приближенности к тому, что я сам хотел бы о ней рассказать, мне очень близка. Поэтому я взял ее за первооснову. Но что-то она не давалась: не получалось того, что смутно бродило во мне в виде каких-то не очень ясных образов. Я нервничал. И вот однажды ночью, во сне, вдруг очень ясно прозвучал низкий женский голос, пропевший мелодию. Я, еще не вполне отдавая себе отчета в том, сон это, явь ли, вскочил с постели, сел за пианино, чтобы немедленно проиграть и запомнить эту мелодию. Утром я сыграл ее на баяне, а потом записал.

Когда слушаешь обработки Паницкого, удивляешься и радуешься еще и тому, как полно он учитывает возможности баяна. Как смело работает с формой музыкального произведения, отшлифовывая мелодию, окружая ее побочными партиями, стараясь придать каждому произведению как бы оркестровое звучание. И очень жаль, что многие его композиции пропали: долго не было своего концертмейстера, некому было записать. Кое-что старались сделать друзья и жена, которая специально выучи-

ла ноты, чтобы вести запись произведений Ивана Яковлевича. Но записывать обработки Паницкого с его слов не так просто. Почти каждый такт музыкального произведения у него обязательно окружен побочными партиями, иногда неопределенной длительности. В таких случаях производить запись мелодии приходится не в одну, а в две или три строчки. Для такой записи музыкант должен быть достаточно грамотным, хорошо разбирающимся в полифонии. Поэтому Паницкому приходилось переделывать записываемые произведения, неоправданно их упрощать. И все же благодаря своевременному вмешательству и помощи большого патриота баянной музыки Арама Николаевича Лачинова (бывшего директора Московского музыкального училища имени Октябрьской революции) был выпущен сборник «Играй, мой баян». В него вошли ранние произведения и обработки И. Я. Паницкого. Сейчас по многочисленным просьбам готовится к выпуску второй сборник из серии «Играй, мой баян», куда войдут последние его сочинения и обработки, такие, как «Проводы новобранцев», полька «Волжанка», «Уж ты, сад, ты мой сад», белорусская народная песня «Перепелочка», «Вальс о вальсе» Колмановского, «Подари мне платок» Пономаренко, «Дуниада» Дунаевского и другие.

* * *

После успеха первых конкурсов гармонистов популярность баяна резко возрастает. Решили ввести преподавание игры на баяне в музыкальных учебных заведениях. Сначала — в Ленинграде и Москве, а позже и в других городах. Инициатором открытия первых классов баяна в учебных заведениях был его неутомимый патриот популярный исполнитель и педагог Яков Федорович Орланский-Титаренко. Это он через молодежную газету «Сме-

на» добился в 1927 году разрешения на открытие при третьем Ленинградском музыкальном техникуме класса баяна.

В Москве инициатором обучения игры на баяне становится видный музыкант, в прошлом скрипач Л. М. Банович, создатель первого симфонического оркестра гармонистов.

В 1932 году в Саратове тоже организовали класс баяна при музыкальном техникуме. Дирекция этого техникума пригласила Ивана Яковлевича Паницкого на должность педагога. Работать с юными музыкантами, воспитывать в них любовь к искусству, чутко прислушиваться к тому, что есть лучшего в каждом, — творчество, может быть, еще более высокое и ответственное, чем исполнительская деятельность.

Иван Яковлевич воспитал много молодых баянистов. Во многих городах Поволжья работают сейчас его ученики. В. Кондрашов — старший преподаватель Астраханского музыкального училища, А. Чернов — солист Московского радиокомитета, П. Ткачев — старший преподаватель Саратовского музыкального училища, В. Григоренко — старший преподаватель Саратовской музыкальной школы, заслуженный работник культуры РСФСР.

В ту пору еще не было разработано единой методики обучения игры на баяне, почти не существовало специальной литературы для этого инструмента. Поэтому Иван Яковлевич много труда отдает переложению классической музыки для баяна. Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин, Глиэр и другие композиторы прочно входят в репертуар баяниста и педагога И. Я. Паницкого. В эти годы им созданы оригинальные полифонические обработки, множество музыкальных произведений. Большинство этих обработок и сейчас постоянны в репертуаре баянистов: «Жаворонок» Глинки, вальс «Ра-

дость любви» Крейсlera, «Полонез» Огинского, «Чардаш» Монти, русские народные песни «Полосынька», «Во саду ли, в огороде», «Ноченька», «Ой да ты, калинушка», «Ах вы, дружки», «Уж как по мосту-мосточку», «Вот мчится тройка почтовая», оригинальная собственная фантазия «Проводы новобранцев», различные старинные вальсы, танцы и многие другие произведения.

В обработке И. Я. Паницкого живут более ста различных народных песен, множество произведений русских, западных классиков и советских композиторов, причём многие из них ещё не изданы.

К этому времени Иван Яковлевич, ещё совсем молодой человек, достиг настоящей творческой зрелости. Педагог, он постоянно выступает с концертами. Исполняемые им русские народные песни в собственной обработке лиричны, проникнуты ощущением русской, именно русской природы. Каждая исполняемая вариация представляет собой как бы самостоятельный узор. Когда он играет, трудно представить себе, что все это многообразие оттенков он извлекает из одного-единственного инструмента. А сам исполнитель думает в это время совсем о другом. О том, как это прекрасно — играть, отдавая музыке всю душу. Как свободен, естествен каждый звук, как многое может выразить каждая нота. Мотив рождается хмельно и торжественно...

Иван Яковлевич Паницкий вошел в историю баянного искусства не только как большой мастер виртуозной игры, но и как композитор. Кроме собственных нотных переложений для баяна им сделано множество обработок, пользующихся большой популярностью среди баянистов. Очень интересны его транскрипции для баяна Бетховена, Дворжака, Глинки, Чайковского, а также сочинения советских композиторов — Блантера, Дунаевского и других. Все его выступления проходят с большим успехом и

вызывают восторженные отзывы как у музыкантов-профессионалов, так и у рядовых слушателей.

В Астраханской газете «Волга», например, после одного из его концертов писалось: «Трудно передать словами, сколько наслаждения доставляют каждому, кто их слышал, выступления И. Я. Паницкого. Его неизменный спутник и друг — баян в руках музыканта-самородка звучит так, что временами кажется, будто играет симфонический оркестр. «Жаворонок» Глинки, «Соловей» Алябьева, произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Аренского, русские народные песни, музыкальные картины «Проводы новобранцев», «Утро в деревне» и многое, многое другое — все, что вдохновенно и виртуозно играет Паницкий, захватывает слушателей и вызывает у них желание слушать Ивана Яковлевича еще и еще».

И. Я. Паницкий — виртуоз, у него богатейшая техника, и все-таки в его игре в первую очередь покоряет не виртуозность, а глубина чувств, одухотворенность, искренность. Когда он играет классическую музыку, не теряется ни один полифонический ход, ни одна колористическая деталь. А ведь в его распоряжении обыкновенный, с готовыми аккордами в левой клавиатуре, баян. Но он прекрасно знает этот инструмент, виртуозно пользуется контрастами его тембра, динамическими оттенками. Словом, очень любит и верит в баян.

Кроме того, И. Я. Паницкий — художник, постоянно ищущий, обладающий невероятной работоспособностью. С самого детства он привык к каждодневному, напряженному труду. В его характере настойчивость и воля к преодолению трудностей. Многое не сразу приходило к нему, давалось путем длительных поисков. И то, что раньше было им найдено или интуитивно схвачено на лету, впоследствии в годы его зрелости неоднократно переосмысливалось, совершенствовалось. Так зрело мастерство.

Тридцатые годы открывают наиболее яркую страницу творческой деятельности И. Я. Паницкого. Пожалуй, это было самое счастливое время. Он жил в радостном и свободном напряжении сил. Все давалось. Все было в радость. И в первую очередь — самый труд, ежедневный, упорный, любимый.

В 1939 году в Москве проходил первый в нашей стране Всесоюзный смотр музыкантов — исполнителей на народных инструментах, организованный Всесоюзным комитетом по делам искусств. Событие важное для всей культурной жизни страны. В первом туре участвовало две тысячи человек. Ко второму туру было допущено всего 200 исполнителей. 53 лучших из них вышли в третий, заключительный тур. На конкурсе было представлено свыше 60 разновидностей народных музыкальных инструментов. Среди них — баян. Исполнялись главным образом обработки классических произведений и произведений советских композиторов. Радовало широкое использование классики в репертуаре баянистов, несомненный рост их исполнительской культуры.

В этом ответственном соревновании принял участие и Иван Яковлевич Паницкий. Он исполнил «Вечное движение» Паганини, «Баркароллу» Чайковского, «Жаворонка» Глинки в собственной обработке и русские народные песни «Ноченька» и «Во саду ли, в огороде» — тоже в собственной обработке.

Это был большой праздник для любителей музыки и серьезное испытание для участников. Волновались все. Иван Яковлевич позднее рассказывал, что он едва помнит, как очутился на сцене. В зале огромная аудитория, в жюри — прославленные музыканты. Все стихло. Он заиграл.

— Наверное, я больше никогда так не играл. Я чувствовал себя не зрелым и опытным музыкантом, а юношей, впереди у которого еще вся жизнь в искусстве.

Его игра действительно отличалась удивительной свежестью, какой-то юношеской непосредственностью с теми неповторимыми крупицами первозданности, которые рождаются в начале жизни. И все это в удивительном сочетании с умением, творческой зрелостью и контролем, воспитанным мудростью жизни.

В соревновании сильнейших музыкантов Иван Яковлевич одержал блестящую победу: жюри единогласно присудило ему первую премию и диплом лауреата первой степени. Жюри особо отметило превосходные переложения, сделанные самим исполнителем. Они сразу же были записаны на грампластинки и вошли в особый фонд фонотеки Всесоюзного радио, так называемый «Золотой фонд».

Победа И. Я. Паницкого была очень значительной: вместе с ним выступали замечательные баянисты. Признание... Слава... Они пришли к музыканту. Грампластинки с его записями раскупались незамедлительно. Особой популярностью среди любителей баянной музыки пользовалась пластинка с записями «Жаворонка» (Глинка — Паницкий) и русских народных песен. Именно эти произведения чаще всего просили включить в радиоконцерты многочисленные слушатели в нашей стране и за ее пределами.

* * *

Началась война. В эти грозные годы жило искусство, работали артисты. Это была их присяга на верность Родине. Все, кто мог держать оружие в руках, были мобилизованы на фронт. А те, что остались, — помогали фронту.

С первых дней войны Иван Яковлевич стал настоящим бойцом культурного фронта. Он выступал в многочисленных концертах перед воинами и тружениками тыла. Его талант, его искусство служили общему делу победы над врагом. Он хотел, чтобы люди, опаленные войной, почувствовали, что есть жизнь и сейчас, и в сияющем завтра — без войны, без боя, — когда придет праздник Победы. Его искусство, его игра доставляли раненым бойцам не только минуты радости, но иногда они были просто лекарством. Тогда, когда медицина оказывалась бессильной.

...В одной из палат военного госпиталя лежал тяжело раненный танкист. В бою был подбит его танк, сам он получил серьезное ранение, ожоги. Но больше всего мучила парня потеря зрения. Он утратил не просто интерес к жизни, нет! Ему казалось, что жизнь вообще для него невозможна: это был энергичный и мужественный человек, храбрый воин, но без глаз — нет жизни... Не один раз беседовал с ним известный в Саратове психолог Михаил Павлович Кутанин, но ничего не помогало.

Случайно узнав о танкисте, Иван Яковлевич попросил познакомить его с ним. Врачи разрешили. Войдя в палату, Иван Яковлевич представился больному и, вынув из футляра баян, пачал играть для него одного. Сначала казалось, что боец и вовсе не слушает музыку. Но Иван Яковлевич приходил еще и еще раз... Так у них завязалась дружба. Иван Яковлевич помог ему справиться с горем и понять, что жизнь продолжается и впереди еще много, очень много полезных и интересных дел можно сделать.

Выписываясь из госпиталя, боец благодарил не только лечащих врачей, но и артиста И. Я. Паницкого. Когда врачи спрашивали Ивана Яковлевича, как ему удалось расположить к себе такого настойчивого больного, он,

улыбаясь, отвечал: «Спросите у баяна, это он с ним разговаривал, а я молчал, перебирая лишь его клавиши. Мой баян рассказывал ему о нашей могучей Родине, о любви. Да я, право, и сам не знаю, что я играл ему, просто я вкладывал в игру всю свою душу».

Да, всю душу! Об этом знали только они втроем: раненый боец, баян и артист Паницкий.

Где только не проходили маршруты артистических бригад в годы войны! Когда сейчас спрашиваешь Ивана Яковлевича о том, как работал он в те трудные годы, он отвечает: «Как все». И оживает его лицо, когда вспоминает интересные встречи, людей, с которыми свела война. А встреч таких было немало, ему приходилось выступать с прославленными артистами — Аллой Константиновной Тарасовой, Иваном Михайловичем Москвиным и другими. И как бы ни уставали артисты (часто приходилось выступать по три-четыре раза в день), их согревало сознание того, что и они тоже — бойцы, солдаты.

Однажды Ивана Яковлевича попросили выступить в госпитале для тяжело раненного летчика, Героя Советского Союза Громова. Когда он открыл дверь в палату, летчик сказал: «Здравствуйте, Иван Яковлевич! Я давно знаю вас и очень люблю вашу игру, а теперь, видите, неожиданно-негаданно я еще и познакомлюсь с вами».

Иван Яковлевич сыграл ему свою фантазию, посвященную Отечественной войне. В основу ее он взял известную в те годы песню А. Александрова «Вставай, страна огромная». Иван Яковлевич кончил играть. Громов помолчал, а потом сказал: «Ну, брат, вы меня на обе лопатки уложили своей музыкой». А баян еще долго звучал в палате. Они не спешили расставаться, прославленный летчик и замечательный музыкант.

Огромным потрясением была для Ивана Яковлевича встреча со Сталинградом. Вскоре после его освобождения

туда послали бригаду ведущих артистов. Попал в нее и Паницкий. В Сталинград приплыли ранним утром. Выйдя на берег, молча остановились. Как ни были подготовлены к тому, что увидят, все-таки это было страшно. Было страшно ступить по этой израненной, измученной земле.

Сталинград вошел в жизнь Ивана Яковлевича горькой, тяжелой и незабываемой страницей...

Война и сейчас неистребимо присутствует в каждом из нас. Незгладимо пометила она не только переживших ее: следы великих войн невидимо живут в поколениях. И ничто не может вытравить память о ней у тех, кто пережил все ее горести и радости.

1944 год. За плечами — сотни изъезженных километров, сотни концертов, и каждый — успех музыканта. Но нужно постоянно думать о совершенствовании уже достигнутого, создавать новое. Творческая жизнь в стране не утихала, напротив, искусство, как никогда, было созидательно, развивалось, крепло.

В 1944 году в Свердловске проходил очередной Всероссийский конкурс концертных исполнителей. В этом конкурсе принимали участие не только профессионалы-инструменталисты, но и вокалисты, чтецы. Кроме И. Я. Паницкого выступил дуэт баянистов в составе Б. Тихонова и А. Суркова, исполнивших «Елку» Ребикова и марш Красной Армии Глиэра. Баянист Шнейдер исполнил тапец моряков «Яблочко» и другие произведения. Кроме баяна в конкурсе впервые использовалось концертно, на котором с большим мастерством играл артист Ленинградской эстрады Н. С. Маслюков.

И. Я. Паницкий подготовил к этому конкурсу новую программу. Он исполнил «Баркароллу» Чайковского, «Полет шмеля» Римского-Корсакова, русские народные песни «Калинушка», «Полосынька» в собственной обра-

ботке, монтаж на темы песен И. О. Дунаевского и вальс «В лесу прифронтовом» Блантера.

Какая-то особая атмосфера царила на этом конкурсе: каждый участник был ответствен не только за собственное мастерство, но все до единого сознавали себя еще и бойцами культурного фронта. Особые, ни с чем не сравнимые моменты, когда не просто решается: быть или не быть победителем соревнования. Все гораздо сложнее. Конкурсная атмосфера требует особой выдержки и подготовленности. Побеждает всегда тот, у кого ярче дарование, отточеннее мастерство, больше силы, воли и умения владеть собой в эти ответственные минуты. И — больше любви к Родине.

На этом, может быть, самом ответственном в своей жизни конкурсе Иван Яковлевич Паницкий завоевывает второе место и диплом Всероссийского конкурса концертных исполнителей. На этом конкурсе особенно проявилась творческая индивидуальность Паницкого-исполнителя: удивительное сочетание задушевности, теплоты, искренности и яркий темперамент. С первых же звуков Иван Яковлевич поражает своей невероятной техникой. Кажется, его не только невозможно превзойти, но трудно даже стать наравне с ним. В его исполнении каждая нота отработана до предела. Техническая уверенность, безупречное мастерство, тонкость штрихов и нюансов, верность звука сочетаются в исполнении И. Я. Паницкого, ставшего в третий раз лауреатом. Он так владеет баяном, что, слушая его, убеждаешься в невозможности повторить его игру.

Композитор Исаак Осипович Дунаевский, присутствовавший на Свердловском конкурсе, подошел к нему: «Скажу без преувеличения, я готов слушать без конца вашу поэтическую игру. После встречи с вами баян для меня стал открытием».

Слушателей всегда восхищало необычайное богатство красок и эмоциональных оттенков в исполнении И. Я. Паницкого. За годы войны им было сделано множество обработок русских народных песен и пьес классического репертуара — отечественного и западноевропейского. Расширялся его репертуар, расширялась и география гастрольных поездок. Он неоднократно выступал в Кремле, в концертных залах Москвы, Ленинграда и других крупных городов. И всюду имел огромный успех.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МУЗЫКАНТА...

Слушатели знают Ивана Яковлевича как выдающегося исполнителя разнообразного репертуара, состоящего из переложений для баяна и собственных обработок русских народных песен и пьес известных композиторов.

Как это бывает только с истинными талантами, игру И. Я. Паницкого невозможно спутать ни с какой другой. Так индивидуален его стиль, так оригинален его «почерк». К тому же он популярен и как автор многих обработок для баяна, прочно вошедших в репертуар баянистов нашей страны и зарубежных музыкантов. В основе его обработок лежит вариационный полифонический принцип с многоголосием.

Характерно для композиторского творчества И. Я. Паницкого то, что в его обработках и переложениях для баяна чувствуется присутствие не одного, а как бы двух баянов. Вообще широкое использование полифонического стиля в сопровождении основной партии мелодии придает исполняемому И. Я. Паницким произведениям яркое ор-

кестровое звучание. Раскрываются неограниченные возможности русского баяна, становится возможным исполнение на нем произведений в оркестровом объеме.

Этот пример позволяет проследить за темой, которая в вариационном виде проходит то в верхнем голосе, то в нижнем. Оба эти голоса полифонически связаны между собой, и каждый из них четко слышится во время

исполнения. Для подтверждения приведем еще один пример. Кому из баянистов не знаком «Жаворонок» Глинки в обработке И. Я. Паницкого? Произведение небольшое, а сколько образов рождает оно! Это и бескрайние просторы русских полей, озаренные ласковым летним солнцем, и колышущаяся под тихим ветерком золотая нива хлебов, и налетевшее вдруг короткое ненастье...

Еще в раннем детстве Ване Паницкому нравилось пение жаворонка. Поет он не хитро, но в его песне всегда есть свежесть летнего утра, и человек, услышав пение жаворонка, становится счастливее. Звонкая радость и томящая грусть, ликующий восторг и трогательная печаль — все это звучит в коротких прерывистых вскриках и глубоких вздохах баяна. При исполнении этого произ-

ведения И. Я. Паницкий достигает исключительно выразительной мелодической линии. «Жаворонок» Глинки — Паницкого интересно расцвечен полифоническими эпизодами, а также многими блестящими виртуозными моментами.

The image shows a musical score for the song "The Bunting" (Жаворонок) by Mikhail Glinka, as performed by Ilya Panytsky. The score is arranged in four systems, each containing a piano accompaniment and a vocal line. The piano part is highly virtuosic, featuring intricate textures with triplets and sixteenth-note passages. The vocal line is melodic and expressive. Performance markings include "7 cresc. sf", "8", "rit.", "p", "mp", and "pp".

Все это исполняется И. Я. Паницким ярко, изобретательно, с высоким художественным вкусом.

Не одно поколение молодых советских баянистов училось и учится на превосходных музыкальных обработках Ивана Яковлевича. Такие произведения, как «Полосынька», «Вот мчится тройка почтовая», «В лесу прифронтовом» и другие,— это, в сущности, даже не обработки, а оригинальные самобытные художественные произведения. Слушая их, невольно вспоминаешь гениальные транскрипции Ф. Листа для фортепиано. Для примера приведем отрывок из «Ноченьки»:

The image shows a musical score for a piano arrangement of the piece "Nochenki" (Ноченьки). The score is written in 2/4 time and consists of three systems of music. Each system has a treble clef staff (upper voice) and a bass clef staff (lower voice). The upper voice contains a melodic line with various rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes. The lower voice contains a bass line with chords and single notes, often marked with "M" for mezzo-forte. Roman numerals I, II, and III are placed above the first, second, and third measures of the first system, respectively, indicating specific harmonic positions or fingerings. The score concludes with a double bar line and a fermata over the final note.

В указанных цифрах I и III этой обработки звучат одновременно две темы, которые полифонически совмещены. В верхнем голосе звучит тема «Ноченьки», а в нижнем интонационно появляется самостоятельная тема «Во саду ли, в огороде». Эта часть является как бы

связующей между основным показом двух тем. В некоторых обработках И. Я. Паницкого встречаются примеры классического канона (канон — форма, основанная на строгой (непрерывной) имитации — последовательном вступлении одной и той же мелодии в различных голосах). Например, 1-я тема «Полонеза» Огинского:

И вторая тема в «Старинном вальсе»:

Musical score for the second theme of the 'Old Waltz'. It consists of three systems of two staves each (treble and bass clef). The time signature is 3/4. The melody in the treble clef is a waltz-like melody. The bass clef staff features a bass line with chords and some melodic movement. There are markings 'M' and '7' in the score.

И хотя нижняя тема идет с опозданием, все же ее появление не мешает верхней теме, наоборот, как бы дополняет и украшает ее.

В вариациях на тему русской народной песни «Ой да ты, калинушка» во вступлении И. Я. Паницкий употребляет элементы русского народного многоголосия, которые позволяют сохранить национальный колорит:

В некоторые свои обработки И. Я. Паницкий вводит созвучия, имитирующие какое-либо звучание. Это создает впечатление конкретной музыкальной картины. Примером такого произведения может служить вступление к «Фантазии» на тему русской народной песни «Вот мчится тройка почтовая».

Во вступлении слышатся звуки бубенчиков под дугой стремительно мчащейся тройки лошадей. Еще в детстве, прислушиваясь к звукам приближающейся тройки, маленький Ваня с большим мастерством потом имитировал на своей гармошке звон бубенчиков.

Когда Иван Яковлевич исполняет эту пьесу, невольно

The image displays a musical score for a piece. It consists of six staves. The first five staves are arranged in pairs, with a dashed line above each pair. Each pair contains a treble clef staff and a bass clef staff. The first staff of the first pair is marked with a large '8' above it. The first staff of the second pair is marked with '8' and 'p' below it. The first staff of the third pair is marked with '8' below it. The first staff of the fourth pair is marked with '8' below it. The fifth staff is a single treble clef staff, also marked with '8' above it. The sixth staff is a grand staff (treble and bass clefs) with a forte 'f' dynamic marking at the beginning and a mezzo-forte 'mf' marking later. The music features a consistent eighth-note rhythmic pattern in the upper staves, while the piano accompaniment in the lower staves provides harmonic support.

представляешь себе русскую удалую тройку с кучером, опоясанным большим красным кушаком.

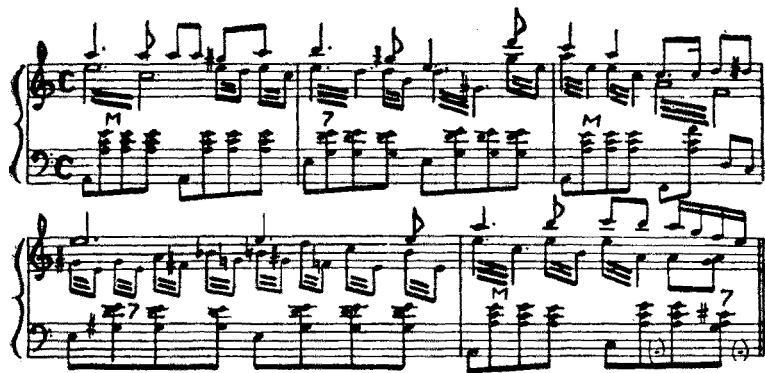
Мы уже говорили, что в основе большинства обрабо-

ток И. Я. Паницкого лежит вариационный, полифонический принцип с подголосками. И применяет его музыкант каждый раз так изобретательно, что перед слушателями возникает созданная зрительными образами целая картина. Вот, например, «Проводы новобранцев». Артист с таким мастерством имитирует на баяне движение поезда, сигнал трубы, пронзительный звон привокзального колокола, свисток кондуктора, постепенное набирание паровозом скорости: быстрее, быстрее, быстрее, потом протяжный гудок — и под грохот колес льется удалая песня «Не скучай, мама!», потом веселые частушки с переборами, сменяющиеся плясовой мелодией. И все это «ложится» на шум, имитирующий движение поезда. Затем протяжный звук паровоза, предвещающий приближение к станции, постепенное затихание и остановка поезда. У слушателей создается иллюзия, будто все это они только что видели собственными глазами.

Вообще в репертуаре Ивана Яковлевича много подобных пьес для баяна, их хочется назвать песнями-картинками. Причем исполнитель и автор с удивительным мастерством пользуется и конкретными звуками, и музыкальными ассоциациями: в пьесе «Проводы новобранцев», например, слышатся гармошечные наигрыши, доносящиеся словно бы издалека. Из этого наигрыша во вступлении и возникает главная тема пьесы, сливаясь с конкретными звучаниями, о которых мы говорили выше, в целое музыкальное единство.

Нередко в свои обработки И. Я. Паницкий вводит чисто технические приемы. Приведем для примера еще один отрывок из русской народной песни «Вот мчится тройка почтовая».

Здесь исполнитель добился полной независимости пальцев. Здесь же Паницкий пользуется еще одной краской своей музыкальной палитры: тремоло нижнего голо-

са создает впечатление звучания русского народного инструмента — балалайки.

Новаторство И. Я. Паницкого заключается в том, что он, впитав в себя лучшие исполнительские традиции музыкального народного творчества, изучив многие инструменты, расширил музыкальные возможности баяна. Он создал новую культуру звука баяна. Очень долго и упорно добивался Иван Яковлевич того, чтобы исполнять произведения не одной основной, а одновременно несколькими партиями. Это нелегко, но чрезвычайно обогащает звучание инструмента. Каждое свое произведение он стремится окружить многоголосием. Именно поэтому, когда слушаешь И. Я. Паницкого, с трудом веришь, что перед вами не дуэт или трио баянистов, а всего лишь один исполнитель. Настолько виртуозна его техника.

Говоря об обработках Паницкого, следует сказать, что они интересны не только с чисто технической, но и с музыкальной точки зрения. Это как бы пересказ народных песенных мелодий языком баяна, но пересказ яркий, красочный, словно бы заново открывающий для слушателей

известную мелодию. Его переложения отличаются глубиной проникновения в характер народного творчества, богатством гармонии, ясности. Баянный язык Паницкого исключительно своеобразен.

Как никто из других баянистов, он мастерски применяет аккордовое исполнение и полифонические эффекты. Отдельные его переложения и аранжировки нередко насыщены диссонансами, но в них нет ничего крикливого, неясного. Он необычайно расширил круг гармонических возможностей русского баяна, оказал огромное влияние на его дальнейшее развитие и усовершенствование.

С особым интересом Иван Яковлевич пользуется мехами баяна. Недаром он сравнивает мехи баяна со скрипичным смычком или голосом певца. Движением мехов можно выразить свое настроение, мысль.

Его аранжировки так же своеобразны и оригинальны, как и сами его произведения. Для каждого произведения Иван Яковлевич находит свои средства выразительности, свою систему переработок. В русских народных песнях он находит свой оркестровый жанр, тяготеющий к конкретности изображаемого, интересный по своим тембровым оттенкам.

И. Я. Паницкий — один из лучших среди баянистов исполнитель русских народных песен с их прекрасными вариациями, лично им разработанными. Интерпретации Паницкого народных мелодий совершенны, исполнение их глубоко, правдиво.

«Русские народные мелодии в исполнении Паницкого стали популярны и любимы потому, что они прежде всего наши, народные, — писал один из его слушателей, — он эти мелодии умеет так преподнести, что не чувствовать их невозможно». Иван Яковлевич тонко передает поэтичность народных образов. Каждая песня у него живет своей жизнью. А с каким талантом, мастерством и

искренностью он передает то грусть, то печаль, то широкую удаль русского народа!

Удивительно звучат в его трактовке «Волжские переборы». Пожалуй, никто не может так просто и вместе с тем так выразительно передать все нюансы «Волжских страданий», как И. Я. Паницкий. Он много и серьезно работает над русскими мелодиями, стараясь не подражать народным исполнителям, а творчески перерабатывать особенности их мастерства, не теряя при этом искренности и непосредственности исполнения.

Большую требовательность Иван Яковлевич предъявляет к отбору своего репертуара. Отрабатывая ту или иную русскую песню, он в первую очередь вникает в слова, в ее смысл. Репертуар Паницкого по жанрам чрезвычайно многообразен. Значительное место среди его произведений занимают вальсы.

И. Я. Паницкий, являясь выдающимся новатором в истории баянной музыки, оказывает значительное влияние на формирование молодого поколения баянистов. На его произведениях учатся многие студенты музыкальных училищ и консерваторий. Невозможно представить себе огромную многотысячную армию баянистов без Ивана Яковлевича Паницкого, ставшего как бы «генералом» этой многотысячной армии. Он вошел в историю баянного искусства и как исполнитель, и как композитор, создавший великолепные произведения и переложения.

В знаменитом «Жаворонке» технически сложные вариации дополнили замыслы Глинки, довели их до высшего технического уровня исполнения. Или, например, «Чардаш» (Монти — Паницкий), вальс «Муки любви» и «Прекрасный Розмарин» (Крейслер — Паницкий), и многие-многие другие произведения. Из собственных его сочинений хотелось бы отметить польку «Волжанка», в которой звучат веселые баянные переборы.

И. Я. Паницкий — создатель собственной школы технической игры на баяне. У него свой неповторимый стиль исполнения. Когда он исполняет то или иное произведение в концерте, музыка живет в его пальцах, в его лице, во всем его облике. Игра Паницкого легка, нежна. Тончайшие нюансы исполняемых им произведений настолько захватывают слушателей, что тысячная аудитория концертного зала всегда слушает его, затаив дыхание.

В концертном зале, как и в театре, между исполнителем и слушателями устанавливаются невидимые, но очень прочные связи. Возникают какие-то особые токи. Не зря иной раз говорят: «Зал был словно наэлектризован изумительным исполнением этой музыки».

А от исполнителя услышишь: «Я играл сегодня лучше, чем обычно,— уж очень хорошая была публика!»

Когда выступает Паницкий, зал всегда словно наэлектризован его исполнением. После того как замирает последняя нота в «Аве Марии» Шуберта, зал несколько секунд молчит и лишь после взрывается аплодисментами.

Беспристрастное время отсчитывает дни, месяцы, годы... Жизнь стремительная и многокрасочная до краев заполняет их всегда чем-то новым, не похожим на вчерашнее. Иван Яковлевич много концертирует, пропагандируя баян как инструмент не только подлинно народный, но и чрезвычайно богатый своими возможностями. С именем Паницкого связано рождение нового жанра — сольного концерта на баяне. Не раз за эти годы он подтверждал свое право на звание одного из лучших баянистов страны.

В 1951 году в Москве в дни декады мастеров искусства города Саратова И. Я. Паницкий занимал одно из видных мест среди солистов. Он с большим успехом выступал в Московской государственной консерватории,

в концертном зале имени П. И. Чайковского и во многих Дворцах культуры и клубах столицы.

11 марта 1951 года в Малом зале Московской консерватории состоялся концерт двух выдающихся исполнителей на народных инструментах — И. Я. Паницкого и солиста Ленинградской филармонии балалаечника П. И. Нечепоренко. Концертный зал был переполнен. Иван Яковлевич Паницкий был встречен москвичами тепло и радушно. Присутствовавшие на концерте услышали чудесную и близкую сердцу человека музыку. Временами баян в руках замечательного исполнителя был просто неузнаваем. Баянист достигал такого тончайшего пианиссимо, такого благородного звучания, что, казалось, играет не на баяне, а на скрипке. Обширная концертная программа, сыгранная И. Я. Паницким, состояла главным образом из его обработок русских народных песен, а также из произведений Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова, Рубцова, Дворжака, Крейслера и других композиторов. Красочно, образно прозвучал в исполнении Паницкого «Хор поселян» из оперы «Князь Игорь» Бородина. Это было почти органное звучание.

Сильнейшее впечатление произвел на слушателей вальс «В лесу прифронтовом» Блантера в обработке Паницкого. Этот вальс знали все. Он прошел вместе с бойцами по дорогам войны. Но сейчас, в зале, он звучал иначе. Баян словно бы рассказывал о том, чего никто никогда не забудет, — он пел о не вернувшихся с войны, он пел об их вечной молодости...

Игра Паницкого захватила слушателей, его долго не отпускали со сцены, просили повторить почти каждый номер. Его «засыпали» букетами живых цветов. Это было признание и благодарность, и Иван Яковлевич исполнял все новые и новые произведения сверх программы.

15 августа 1951 года в газете «Советское искусство»

была напечатана статья Ю. Бружека «Выдающиеся исполнители», в которой говорилось: «Глубоко волнует игра баяниста И. Я. Паницкого, она оставляет незабываемое впечатление. При исполнении каждого произведения он находит новые необычные, но всегда убедительные краски. Он играет ритмически очень свободно (русские народные песни «Ой да ты, калинушка», «Полосынька», «Жаворонок» Глинки), стремясь подчеркнуть этим подлинную выразительность мелодии. Обработку песни «В саду ли, в огороде» он, напротив, исполнил ритмически четко и собранно. Глубокое чувство вложил Паницкий в обработку песни Блантера «В лесу прифронтовом», выразительный образ создал в «Славянском танце» Дворжака, а играя «Полет шмеля» Римского-Корсакова, показал виртуозную технику. Ряд произведений И. Я. Паницкий исполнил в собственных обработках. Радуют высокая художественность этих обработок и мастерство исполнения, где широко используются возможности инструмента».

Мы уже говорили о том, что постоянная забота Паницкого — расширение репертуара. Он любит быть «первооткрывателем» и потому находится всегда в поисках новых произведений, особенно чутко относится ко всем новым сочинениям советских композиторов. Нельзя назвать ни одного значительного произведения для баяна которое оказалось бы вне поля зрения И. Я. Паницкого и не вошло бы в его репертуар. Он — первый исполнитель многих концертов, специально написанных для баяна.

Все первые его исполнения произведений крупных форм — всегда большое событие и для слушателей, и для многих баянистов-профессионалов. Исполненное им произведение словно бы получает путевку в жизнь, к сердцам слушателей. Нередко при этом приходится преодо-

левать инерцию недоверчивого отношения к возможностям баяна как серьезного инструмента. Эту недоверчивость иногда разделяют и очень опытные профессиональные музыканты. Не сразу, например, удалось убедить Ивану Яковлевичу дирижеров симфонического оркестра Саратовской филармонии начать вместе с ним работу над «Концертом для баяна» Чайкина. И лишь после блистательно исполненного и хорошо встреченного слушателями этого концерта он вошел в репертуар многих солистов-баянистов.

Вот что писала газета «Коммунист» об этом концерте: «На днях в Саратове был впервые исполнен концерт для баяна с оркестром молодого композитора Чайкина. Солистом выступил И. Я. Паницкий. Одаренный мастер-виртуоз, он давно завоевал любовь саратовцев. До сих пор слушатели знали И. Я. Паницкого как выдающегося исполнителя разнообразного репертуара, состоящего главным образом из переложений для баяна. Концерт для баяна с оркестром позволил увидеть новые черты сложившегося художника-музыканта. Именно крупное концертное произведение, которого он давно ждал от советских композиторов, дало ему возможность ярко и широко показать свои исполнительские возможности.

Классическая и советская музыка насчитывает немало концертов для фортепиано, скрипки, виолончели и т. д., но для русских народных инструментов, кроме балалайки и домры, их нет. И. Я. Паницкий, обладая исключительной музыкальной памятью, творчески активно и быстро овладел крупным произведением. Талантливая его игра доставляет большое удовольствие. Слушатели видят в нем не только музыканта с большой техникой, но и чуткого, проникновенного художника, верного принципам советской исполнительской культуры. Реалистичский стиль игры И. Я. Паницкого ясно ощутим в трак-

товке концерта, в стремлении сделать его содержание близким и понятным слушателям. Музыка концерта жизнерадостна, широко напевна, тесно связана с истоками народного творчества. Связь эта сказывается в цитировании народных и революционных песен, получивших разработку в форме вариаций, но большей частью в самом складе музыки, в интонациях, колорите инструментовки. Глубокое чувство и подлинная поэтичность, всегда присущие И. Я. Паницкому, сочетаются у него с творчески свободной и естественной манерой игры. Выступление с произведением большого масштаба — значительный творческий успех большого художника».

Но еще не раз встречался Иван Яковлевич с недоверчивым отношением к возможностям любимого инструмента. Надо сказать, что сам Иван Яковлевич очень неохотно об этом рассказывает. Его можно понять. Но однажды свидетельницей и даже участницей любопытной сцены была народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии Наталья Ильинична Сац. В недавно вышедшей книге «Всегда с тобой» она пишет о Паницком и вспоминает этот эпизод. В Саратове был такой случай. Туда на гастроли приехал известный пианист, лауреат Международного конкурса, профессор Юрий Брюшков. Его концерт был назначен на субботу 22 апреля, и на той же афише в воскресенье 23 апреля был объявлен концерт баяниста Ивана Паницкого. Это показалось странным и даже обидным Юрию Сергеевичу Брюшкову: «Можно ли объединять в одной афише два таких инструмента? Баян — все же есть баян, не больше».

— А вы слышали когда-нибудь Паницкого? — спросили его.

— Нет, — ответил он сдержанно, — я, признаться, не поклонник этого инструмента.

Артисты решили сделать «сюрприз» Юрию Сергееви-

чу и привели к нему на следующее утро в гостиницу Ивана Яковлевича Паницкого с его баяном (не сказав Паницкому, конечно, ни слова о разговоре, который был у нас накануне). Как вежливый человек, Юрий Сергеевич не мог отказаться послушать игру незваного гостя. Баянист Паницкий играл Баха, Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова, Шопена, Листа, советских композиторов, свои обработки народных песен, концерт Чайкина — он играл так много потому, что Юрий Брюшков не хотел отпустить его. Уже давно была обеденная пора, когда Брюшков сказал:

— Да, я был неправ. Чистосердечно признаю это. Произведения Баха звучат у вас, Иван Яковлевич, совершенно удивительно. Кажется, что слушаешь орган. Оказывается, возможности баяна неизмеримо больше, чем я предполагал, а такой музыкант, как вы, может творить чудеса на любом инструменте. В этом я сегодня убедился.

* * *

Только художник, обладающий незаурядным внутренним опытом и высокой степенью искренности, способен донести до слушателей тончайшие нюансы сложного мира музыкальных образов, созданных композитором. И поэтому нас не удивляют, а радуют чувства авторской благодарности, выраженные во многих и многих письмах и посвящениях И. Я. Паницкому.

«Лучшему из лучших исполнителей моих произведений Ивану Яковлевичу Паницкому посвящаю свой концерт для баяна с оркестром» — это слова композитора Н. Я. Чайкина.

К. Мясков свой «Концерт для баяна» посвятил «великому полифонисту И. Я. Паницкому».

А вот что написал ему Н. И. Ризоль, композитор, про-

фессор Киевской консерватории: «Я был бы счастлив, если бы одним из первых исполнителей моего скромного сочинения — «Концерта на украинские народные песни с оркестром» — были бы Вы, дорогой Иван Яковлевич! Кто, как не Вы, лучше чувствует, любит и понимает дух народной песни».

И. Я. Паницкому посвятили свои произведения композиторы Григорий Пономаренко («Русскую увертюру»), В. Ковалев («Поэму о Волге»). С. Коняев, посвящая И. Я. Паницкому свою пьесу «В Космос», написал: «Русскому самородку и талантливому исполнителю на баяне».

Это щедрое авторское доверие к исполнительскому мастерству И. Я. Паницкого замечательно выразил И. О. Дунаевский в своем письме к нему: «Все, что Вы, Иван Яковлевич, сделали с моими произведениями, — сделано Вами блестяще. Я разрешаю Вам и в дальнейшем из моей музыки делать все, что Вам угодно, ибо Вы не только большой музыкант, но и прекрасный композитор».

* * *

Надо ли говорить, какое значение для музыканта имеет сам инструмент. Несовершенство инструмента может свести на нет все усилия исполнителя.

Иван Яковлевич играет на концертном многотембровом, готово-выборном баяне с 15 регистрами и диапазоном: в правой клавиатуре от ноты «ми» большой октавы до ноты «соль» четвертой октавы, а в левой клавиатуре от ноты «ми» контроктавы до ноты «ми» третьей октавы. Общий диапазон — 5,5 октавы. Равняется почти диапазону фортепиано.

Такой инструмент обладает большими техническими и художественными достоинствами: рождаются звуки, неожиданные по блеску и глубине, силе, нежности, богат-

ству красок. Баян превосходно сочетается с большим симфоническим оркестром. Его задушевность и лиричность, подчеркнутые общим многокрасочным звучанием оркестра, создают удивительный эффект.

В руках Паницкого концертный баян звучит, напоминая орган в миниатюре. Вообще выразительные возможности многотембрового баяна так велики, что позволяют исполнителю интерпретировать самый разнообразный репертуар — от народной песни до вершин русской и западной классики. Современному концертному баяну стала доступна самая серьезная музыкальная литература без ее переложений.

Принимая во внимание то, что специальной литературы об описании современного многотембрового готово-выборного баяна еще не имеется. (за исключением отдельных небольших статей), считаем необходимым ознакомить любителей этого инструмента с его особенностями и преимуществами перед обыкновенным баяном со штампованными аккордами. Для сравнения вначале дадим характеристику баяна. Итак, баян с готовым аккомпанементом представляет собой в полном смысле хроматическую гармонику. Главный недостаток такого инструмента—это неусовершенствованная басовая клавиатура для левой руки, с его готовыми штампованными аккордами. Кажется бы, совсем удобно: при нажатии одной кнопки получаешь готовый аккорд. Но это удобство не всегда отвечает требованиям музыкальных произведений, ибо количество аккордов на этом баяне ограничено. Кроме того, все трезвучия имеются лишь в одном положении, менять положение их невозможно, а потому нельзя говорить ни о сознательном движении отдельных голосов, ни о правильном сочетании аккордов. Таким образом, готовый аккомпанемент аккордов и ограниченный одной октавой ряд дублирующих басов не позволяют точно исполнять

отдельные музыкальные произведения. Все эти недостатки в устройстве левой клавиатуры вызвали необходимость внести конструктивные изменения в изготовление выборно-готового баяна.

Выборно-готовый баян отличается от обычного тем, что у него клавиатура для левой руки построена так же, как и правая, включая в себя нижний басовый регистр, начиная с ноты «ми» контроктавы и кончая нотой «ми» второй октавы. Общий диапазон такого баяна достигает 5,5 октавы. Из них 4,5 октавы на правой и левой клавиатурах дублируются. Таким образом, диапазон такой конструкции баяна почти полностью соответствует диапазону фортепиано. На таком инструменте можно исполнять музыкальные произведения, не искажая гармонии аккордов, кроме того, можно извлекать каждый голос отдельно, как и на правой клавиатуре (а это было неосуществимо на баяне с готовыми аккордами).

Кроме усовершенствования басовой механики такого баяна в правой клавиатуре было увеличено число голосовых планок, получивших название «многоголосных». Пользуясь такими многоголосными инструментами с регистровыми переключателями, музыканты могут варьировать тембр звучания, включая разнообразные сочетания из имеющихся трех-четырёх язычков (голосов). Такие многоголосные инструменты с регистрами-переключателями получили название многотембровых. Многоголосное звучание позволяет создать в мелодии 15 различных тембров, часть которых имитирует некоторые музыкальные инструменты, как, например: фагот, флейту, гобой и другие.

Многотембровые баяны отличаются еще и тем, что в правой и левой частях корпуса вмонтированы так называемые «акустические камеры», они придают разнообразным комбинациям богатое, разнообразное звучание. При

различных положениях регистровых переключателей во время игры на инструменте можно получить самые различные сочетания звуков по высоте и окраске, что значительно увеличивает возможность баяна в тех пьесах, где желательны изменения тембра звука.

Усовершенствование технической оснащённости обогатило возможности многотембрового готово-выборного баяна и по разнообразию тембров, и по широте и чистоте звучания инструмента в целом.

Такой вид баяна по праву может называться органом в миниатюре, ибо его звуки родственны звукам органа. На таком баяне можно успешно исполнять фортепианную и органную музыку, ибо велик выбор выразительных средств.

Таким образом, простой баян с готовыми штампованными аккордами и ограниченными возможностями превратился уже в «академический» инструмент.

Впервые в истории наравне с другими классическими инструментами баян получил право на высшую концертную деятельность.

Большие художественные возможности современного баяна требуют от исполнителя высокого технического мастерства. Сейчас многие баянисты-профессионалы и студенты музыкальных учебных заведений имеют такой инструмент.

В руках И. Я. Паницкого современный баян — это полный оркестр, способный имитировать многие инструменты. Например, в произведениях Баха его баян поет голосом органа, в произведениях Листа ощущается блистательные россыпи фортепианных пассажей.

Современный баян за последние годы все больше привлекает к себе внимание. Недаром Иван Яковлевич говорит, что возможности такого инструмента огромны и многое, вероятно, в нем еще не раскрыто.

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР

Идут годы. Теперь Паницкий, как никогда, отдает себе отчет в том, какая это великая и ответственная вещь — место художника в обществе. Он щедро делится отпущенным природой даром. Своим исполнением артист стремится донести до слушателя благородные чувства и мысли, вложенные композитором в музыку, делая слушателей соучастниками достижения тех подлинных высот в искусстве, на которые способен человек.

Но Паницкий не был бы Паницким, если бы он только радовал слушателей исполнением. Он ведь еще и педагог.

Авторитет Паницкого, вдумчивого и взыскательного мастера, непререкаем в глазах молодых. Растить молодежь, передавать ей свой богатый опыт, помогать овладеть мастерством музыканта—в этом он видит гражданский долг художника.

1957 год. Президиум Верховного Совета РСФСР за выдающиеся успехи в области исполнительской и общественной музыкальной деятельности присвоил Паницкому Ивану Яковлевичу почетное звание заслуженного артиста РСФСР. «Саратов Филармония Паницкому» — откуда только не приходили в этот счастливый для Ивана Яковлевича день телеграммы! Горячо поздравил коллектив Московского музыкального училища имени Октябрьской революции: «Коллектив старейшего училища высоко ценит Вас, как выдающегося, непревзойденного солиста-виртуоза на баяне...» Поздравили комсомольцы и молодежь города Петровска. Летели телеграммы из многих городов, поздравляли целые коллективы, просто незнако-

И. Я. Паницкий, заслуженный артист РСФСР.

мые Паницкому люди — горячие поклонники его таланта, музыканты, артисты, ученые.

Очень теплое приветствие пришло из Балакова, города его детства:

«Нашему земляку, любимому Ивану Яковлевичу Паницкому, чье искусство вдохновляет и воодушевляет нас, балаковцев, на новые успехи в труде! Мы всегда ждем Вас к себе и радуемся Вашим успехам! Вы — наша гордость».

Иван Яковлевич был счастлив. Этот очень важный для него день заставил мысленно окинуть взором пройденный путь и задуматься о будущем. Пятьдесят лет — тридцать пять отданы любимому искусству. Не все было, быть может, гладко на этом пути. Нелегка жизнь. Но он с чистой совестью может сказать себе, что ни разу не свернул с избранного пути, не испугался трудностей.

Пятьдесят лет. Он еще полон сил и очень многое может сделать. Признание его заслуг ко многому обязывает. Рабочий день его по-прежнему уплотнен до предела. Режим дня крайне строг. Для него музыка — это тяжелый, ни с чем не сравнимый труд и ни с чем не сравнимая радость. Это — его жизнь. И часто после трудового дня Иван Яковлевич с женой приходит на берег Волги, чтобы подышать ее воздухом и послушать, о чем она говорит...

Возможно, именно в такие минуты рождаются новые замыслы. Не раз говорил И. Я. Паницкий, что мало ли что можно сделать, когда музыка живет в твоей душе и сама просится на волю. И слушая Волгу, Иван Яковлевич думает о том, что судьба его сложилась счастливо, что он — сын крестьянина, батрака — стал признанным артистом.

Великую силу обрела идея В. И. Ленина о том, что искусство принадлежит народу. Иван Яковлевич говорит:

— Я счастлив, когда мое искусство приносит радость людям.

У Паницкого много учеников и последователей. Вместе с женой Прасковьей Ивановной Иван Яковлевич всегда сердечно принимает многочисленных любителей игры на баяне, уделяет им много времени и внимания. Он знакомит их со своей музыкой, делится нотным материалом, переписывает для них свои обработки народных песен, дает практические советы. Он — постоянный посетитель сольных и выпускных концертов студентов консерватории и музыкального училища Саратова. Не было еще случая, чтобы Иван Яковлевич не побеседовал с тем или иным студентом-выпускником Саратовской консерватории и музыкального училища, не дал им практических советов и замечаний. Иван Яковлевич очень ценит творческое общение с молодежью, поэтому к нему идут и едут за советом студенты-музыканты из разных городов страны.

Много работает в эти годы Иван Яковлевич над записями грампластинок. Многие из них вошли в особый фонд Всесоюзного радио и пользуются огромной популярностью у любителей баянной музыки. Лауреат международных премий, солист Москонцерта баянист Анатолий Беляев писал после одной из своих зарубежных поездок Ивану Яковлевичу:

«Дорогой Иван Яковлевич! С большой радостью сообщая Вам, что во время моих поездок с концертами по США меня спрашивали о Вас. Там Вас знают и любят. Было приятно видеть, что пластинки с Вашими записями имеются и в далекой Америке. Богатырского Вам здоровья, наш любимый Иван Яковлевич!

Искренне Ваш Анатолий Беляев».

Слава. Признание. Казалось бы, достиг вершин мастерства. Но успокоенность не в характере Ивана Яков-

левича: он весь устремлен в будущее и никогда не удовлетворен собой.

Все эти годы И. Я. Паницкий очень много ездит по стране. Где только он не побывал: Новосибирск и Уфа, Горький и Грозный, Махачкала и Ленинград, Кисловодск, Москва, Астрахань, Куйбышев и множество других городов. Ему аплодировали доярки самых отдаленных совхозов и шахтеры Урала. Часто он выступал и на Кремлевской сцене.

Концертные поездки всегда давали большой материал для творческих раздумий: его радовали встречи с неизвестными слушателями, так жадно ловившими каждый звук, каждую ноту. Вспоминая все это, еще и еще раз убеждается он, что высшее счастье художника и его сила — в общении со слушателями. Полнейшее внимание аудитории, ее абсолютная «околдованность» музыкой всегда ощущается в напряженной тишине зала, которая продолжается еще несколько секунд и после окончания музыки. И лишь потом — овации.

Каждый день приносит в адрес И. Я. Паницкого десятки писем. Иногда простодушные и наивные, все они выражают искреннюю любовь, восхищение, признание его искусства.

«Я не знаю Вашего адреса, пишу прямо на Саратов, думаю, что Вас там все знают, ибо Вы единственный из всех баянистов — знаменитость. Спасибо Вам за то наслаждение, которое Вы нам дарите по радио...» — пишет постоянная радиослушательница из Красноярска.

«Если с появлением скрипки бог вселил всю свою страсть в Никколо Паганини, то с появлением баяна бог отдал душу Вам, Иван Яковлевич», — это из письма постоянных слушателей И. Я. Паницкого из Ленинграда.

Бывшие фронтовики инвалиды Великой Отечественной войны пишут своему любимому музыканту: «Ваша

музыка очень понятна и сильно нам нравится. От Вашего исполнения веет русским духом. Спасибо Вам за все!»

Доярки совхоза «Урожайный» Саратовской области пишут о том, что в исполнении И. Я. Паницкого им «слышится свое, с детства знакомое — шелест налитых хлебом нив, раздолье широких русских полей. Все это передает Ваш баян, звуки которого так и хватают за душу».

Пишут рабочие, студенты, военнослужащие, профессиональные и начинающие музыканты, школьники...

Умение так щедро отдавать людям свое прекрасное искусство — великий дар. И немногие им обладают. И. Я. Паницкий — один из таких людей. По природе своей это художник глубоко национальный.

Традиция баянной музыки, созданная русскими народными напевами, имеет своими корнями глубокие свойства нации, так что и дальнейшее развитие этого вида искусства возможно тоже лишь на прочной национальной основе, обогащающей себя тем, что привносит развитие сегодняшнего искусства вообще.

И. Я. Паницкий — артист очень широких музыкальных интересов. В его репертуаре произведения разных мастеров, разных времен, разных национальных культур. Но если глубже вникнуть в выбор им произведений для исполнения, станет очевидной определенная избирательность: он тяготеет к пластичной, эмоционально насыщенной музыке, музыке, которую он сам может воспринять со всей обостренностью своих чувств.

Но национальные традиции для художника-Паницкого, мастера-Паницкого — основной, незамутненный источник. И у современных композиторов он находит то, что волнует его больше всего: рассказ о русском человеке и его душе, его мире, его мечте. Только, естественно, в новом освещении, в новом звучании.

Если перелистать многочисленные отклики в газетах

на выступления И. Я. Паницкого, в глаза бросится завидное единодушие в оценке его исполнения — в разное время, в разных городах, перед разными слушателями.

«Успеху баяниста Паницкого, заслуженного артиста РСФСР, в широких кругах слушателей способствует исключительная доступность его исполнительского творчества.

Все в его исполнении: и широкая напевность, и глубокая эмоциональность — способствует подлинному контакту и взаимопониманию исполнителя и аудитории», — пишет «Волгоградская правда».

О сольных концертах И. Я. Паницкого в Москве, о теплом, живом внимании москвичей не раз писала газета «Московская правда». «Все, что исполнял Паницкий, — было сказано в одном из откликов, — было безупречно сыграно. Баха он исполнял так же естественно и убедительно, как родные русские напевы».

23 мая 1966 года общественность Саратова широко отметила шестидесятилетие со дня рождения Ивана Яковлевича Паницкого и сорокапятилетие его творческой исполнительской деятельности.

Теплых слов, приветственных адресов, писем, телеграмм было множество. Его все поздравляли, благодарили. Потом Иван Яковлевич играл. При его появлении на сцене многочисленная аудитория стоя, горячими аплодисментами встретила юбиляра. Он волновался. Но вот умолкли последние аплодисменты, и настала глубокая тишина, артист прикоснулся пальцами к клавишам баяна, и зазвучала музыка. Иван Яковлевич исполнял русские народные песни в собственной обработке и классические произведения. Никогда еще, пожалуй, не играл Паницкий с таким подъемом, с таким вдохновением и с таким совершенным мастерством.

Сначала — богатая красками певучая мелодия зна-

менитой «Полосыньки». Звуки баяна растут, крепнут, становятся все более и более властными, захватывая сердца слушателей. Когда он смолк, сначала была тишина, а потом, как обвал, — гром рукоплесканий. Но вот пальцы опять скользят по клавишам баяна: звучит музыка великого Баха. И кажется, что звукам тесно в зале, так они полны силы и мужества, что вот-вот вырвутся на волю и польются по широким улицам города. А в зале замерли слушатели...

Бах писал свою музыку для органа. Но вот же он и звучит — орган! И только усилием воли заставляешь себя верить собственным глазам: на сцене — баянист. Но этот баянист — великий мастер.

* * *

Всегда трудно расставаться с интересным человеком. Наш очерк об Иване Яковлевиче Паницком закончен, а искусство его еще очень долго будет приносить радость многим, очень многим любителям музыки. Тем более, что он по-прежнему неутомимо деятелен, по-прежнему влюблен в свое искусство, по-прежнему верит в большое будущее русского народного инструмента — баяна.

Когда мы спросили Ивана Яковлевича о его дальнейших планах (традиционный вопрос артисту), он, улыбаясь, ответил:

— У меня сейчас состояние летчика, получившего разрешение на дальний полет. И радостно, и страшно-вато: ведь столько еще впереди...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Весь мир состоит из одних звуков	3
Смотрите, какая прелесть русская песня!	40
С точки зрения музыканта...	74
Великий мастер	96

Михаил Степанович Быстрыков
Лариса Михайловна Хорошайлова

БАЯНИСТ ИВАН ПАНИЦКИЙ

Редактор *И. Шулпин*
Художник *И. Калашников*
Художественный редактор *В. Бутенко*
Технический редактор *Л. Андропова*
Корректоры *Н. Попова* и *Г. Ялунина*

Сдано в набор 14/X 1975 г. Подписано к печати 8/1 1976 г. НГ60072. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Усл.-печ. л. 4,55(3,25). Уч.-изд. л. 4,03. Тираж 6000. Заказ 2549. Цена 15 коп. Приволжское книжное издательство, Саратов, пл. Революции, 15. Производственное объединение «Полиграфист», Саратов, пр. Кирова, 27.

15 коп.

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1976